

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л. Н. СЕЙФУЛЛИНА — В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

(Москва. 10 декабря 1923 г.)

В редакцию журнала «Молодая гвардия»

Ввиду тесной, внешней и внутренней, связи редакции журнала «Молодая гвардия» с редакцией «На посту», я отказываюсь от непосредственной работы в редакции и от сотрудничества в журнале «Молодая гвардия». Т. Либединский, т. Авербах и т. Зонин слышали от меня неоднократно заявление о том, что я не разделяю отношения журнала «На посту» к журналу «Красная новь» и к редактору ее тов. Воронскому в частности¹. Известно им также, что я сотрудничаю в журнале «Красная новь» и буду продолжать сотрудничать, если написанное мной будет нужно этому журналу.

А все же, невзирая на это, мой разговор в редакции «Молодой гвардии» об отношении к современной беллетристике тов. Воронского был искажен, и мне случайно стало известно, что его хотят использовать в полемике с тов. Воронским руководители журнала «На посту».

Об этом инциденте я написала тов. Лелевичу. Письмо известно редакции «Молодая гвардия». Повторять его в данном заявлении — излишне. Такого отношения ко мне я допустить не могу. Не желая быть втянутой в атмосферу склонничества и сплетен, я вынуждена уйти от близкого соседства к журналу «На посту». Естественно, что после этого заявления не может идти в «Молодой гвардии» и мой рассказ «Преступление»².

Прошу прислать его мне, а полученный за него гонорар я возвращу в кассу издательства.

Одну, имеющуюся у меня для прочтения, рукопись — возвращаю.

Л. С е й ф у л л и н а

10-го декабря 1923-го года

АГ, П-ка КН, 1-65-1.

На автографе помета автора: «Копия».

Лидия Николаевна Сейфуллина (1889—1954) начала литературную деятельность в 1922 г. В КН впервые выступила в декабре 1923 г. с рассказом «В будний день» (№ 7). Затем последовали «Мужицкий сказ о Ленине» (1924, № 1) и две повести — «Вириона» (1924, № 4 и 5), «Встреча» (1925, № 7, 9 и 10). Воронский посвятил Сейфуллиной статью из цикла «Литературные силуэты», в которой дал высокую оценку ее творчеству и ее позиции художника: «Сейфуллину считают «попутчиком», но в ее художественном восприятии нашей эпохи больше коммунизма, чем иногда у тех, кто своей специальностью избрал травлю «попутчиков» (Л. Сейфуллина). — КН, 1924, № 5, с. 300).

¹ Журнал «Молодая гвардия» начал выходить в 1922 г. В нем наряду с комсомольскими поэтами, с такими прозаиками, как А. Фадеев, Ю. Либединский, А. Неверов и др., начала сотрудничать и Сейфуллина (рассказ «Инструктор красного молодежа» — 1923, № 3). В 1923—1924 гг., в период ожесточенной литературной полемики, журнал, в редакцию которого входили «напостовцы» Л. Л. Авербах (редактор), А. И. Зонин (зам. редактора) и И. В. Бардин, выступил с резкими нападками на Воронского и КН.

² Рассказ «Преступление» вышел в 1924 г. отдельной книгой в изд-ве Главполлитпросвета «Красная новь».

П. В. КУПРИЯНОВСКИЙ

А. К. ВОРОНСКИЙ В ГАЗЕТЕ «РАБОЧИЙ КРАЙ»

1

Широкую известность в литературе Александр Константинович Воронский получил в 20-е годы. В это время он был редактором журналов «Красная новь» и «Прожектор», руководил издательством «Круг», состоял членом правления Госиздата, выступал как литературный критик, активно участвовал в дискуссиях по литературно-эстетическим вопросам. Его статьи печатались в газете «Правда», в журналах «Красная новь», «Печать и революция», «Прожектор» и других изданиях. В 20-е годы вышло девять его книг литературно-критического, теоретического и полемического характера¹. Поэтому

не удивительно, что имя Воронского-критика принято связывать именно с этим периодом в истории советской литературы².

Начавшаяся научная разработка его наследия требует, однако, выхода за рамки только критики (Воронский был блестящим журналистом-публицистом и талантливым прозаиком, его прозаические произведения высоко ценил М. Горький) и за хронологические рамки только 20-х годов. В частности, назрела необходимость обратиться к источникам литературной деятельности Воронского, чтобы проследить формирование и развитие его взглядов на литературу, его участие в литературной жизни до 20-х годов. Частично это сделано О. В. Семеновским, указавшим на сотрудничество Воронского в мае—июне 1911 года в «Евпаторийских новостях», где состоялся его литературный дебют критика, и подробно разобравшим его статьи и заметки, печатавшиеся в том же году в одесской газете «Ясная заря», которую редактировал В. В. Воровский. О. В. Семеновский резонно связывает ранние статьи Воронского с формированием марксистской критики в периферийной печати и рассматривает их как «оперативные отклики партийного критика и публициста на злободневные литературные события своего времени»³.

Член большевистской партии с 1904 г., профессиональный революционер, участник Пражской партийной конференции, Воронский до Октябрьской революции общался с М. И. Ульяновой, В. В. Воровским, Н. В. Крыленко, М. В. Фрунзе, Г. К. Орджоникидзе и другими видными революционными деятелями; был также знаком с В. И. Лениным. Исключенный из последнего класса духовной семинарии, он проходил «университеты» на партийной работе, в подполье, в тюрьмах и ссылках. Воронский, как он сам писал, «сызмальства любил литературу»⁴. Находясь в ссылке, он писал рассказы, посыпал их Горькому. О своих литературных занятиях не без юмора и самоиронии Воронский поведал в мемуарной книге «За живой и мертвый водой» и в рассказе «Первое произведение»⁵.

Литературной — первоначально литературно-редакторской — работой Воронский вплотную занялся с 1917 г. Он был членом редколлегии большевистской газеты «Голос пролетария», издававшейся в Одессе, и одним из редакторов «Известий» Одесского Совета рабочих депутатов⁶. В связи с оккупацией Одессы немецкими войсками в марте 1918 г. Воронский покинул этот город и, побыв некоторое время в Саратове и Москве, вскоре через секретаря ЦК РКП(б) Е. Д. Стасову⁷ получил назначение в Иваново-Вознесенск, где во главе губисполкома и партийной организации находился его старый товарищ М. В. Фрунзе.

В Иваново (до 1932 г. город назывался Иваново-Вознесенск) Воронский прибыл в мае 1918 г. и через некоторое время стал редактировать губернскую газету «Рабочий край». Точной даты вступления в эту должность установить не удалось. Но уже в июне в газете появляются его статьи. Первая статья за подписью «Воронский» напечатана 22 июня. Статья называется «По поводу ориентации», в ней разоблачается политика кадетов. Мы полагаем, что редактором «Рабочего края» Воронский стал с июня 1918 г.⁸

Газета «Рабочий край» начала выходить с 5 марта 1918 г. как орган Иваново-Вознесенского губернского и городского Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, заменив газету «Рабочий город», издававшуюся с 4 (17) ноября 1917 г. В статье «Первые годы „Рабочего края“» секретарь редакции поэт Михаил Дмитриевич Артамонов рассказывает, что первым редактором газеты (до Воронского) был Николай Николаевич Колотилов, старый член партии, рабочий-текстильщик по профессии, впоследствии, в 20-х годах, ставший секретарем губкома и членом ЦК. В ядро редакции, кроме редактора и секретаря, входили молодые поэты Дмитрий Николаевич Семеновский и Иван Ипатьевич Жижкин; были в редакции еще один сотрудник и один хроникер⁹.

Очевидно, таким оставался состав редакции газеты и тогда, когда в нее пришел Воронский. Позднее он несколько изменился и расширился, но большим за годы редакторства Воронского не был. Из штатных работников «Рабочего края» при Воронском следует еще назвать В. А. Смирнова, А. Е. Ноздрина (выпускающий), С. А. Селянина, А. А. Баркову, В. С. Смирнова (Малкова). Первый исполнял обязанности редактора во время отсутствия Воронского. Поскольку редакционный аппарат был невелик, журналисты, работавшие в газете, в том числе и сам редактор, должны были писать на самые разнообразные темы и привлекать к сотрудничеству внештатных корреспондентов. Постоянными корреспондентами, в частности, были Дмитрий Андреевич Фурманов, Николай Павлович Смирнов (впоследствии поэт, прозаик и критик), краевед Иван Иванович Влад-

бимовым, О. А. Варенцовой, Н. Н. Колотиловым, С. И. Назаровым и другими местными партийными и советскими руководителями, прошедшими, как и он, большую школу революционной борьбы. Иваново Воронский называл «незабываемым краем красных ткачей», с вдохновением писал об ивановском kraе как самобытном и богатом революционным опытом¹⁶. Безусловно, он вбирал в себя этот опыт, и вместе с тем как образованный марксист, теоретик он, по воспоминаниям Г. И. Бейчека, был идейным вожаком местных ответственных работников¹⁶.

Несмотря на трудности гражданской войны, типографскую разруху, нехватку бумаги, отсутствие квалифицированных кадров, Воронскому удалось быстро улучшить качество газеты, наладить ее регулярный выход, увеличить тираж. Его деятельность на посту редактора «Рабочего kraя» оставила глубокий след. Лучше всего эту деятельность охарактеризовать словами тех, кто близко его знал, наблюдал за его работой.

Д. Н. Семеновский и С. А. Селянин пишут: «Вскоре в редакции появился человек небольшого роста с коротко обстриженными волосами, в пенсне на близоруких глазах. Это был А. К. Воронский — новый редактор «Рабочего kraя». Сразу же в газете почувствовалась опытная, уверенная, трудолюбивая рука (...). Ни одна строка будущего набора не избегала его внимательного просмотра. Материал умело систематизировался. В газете появились постоянные отделы: «По нашему kraю», «Хроника», «Рабочая жизнь» и т. д. Количество корреспонденций от полей и машин стало расти (...). Появился в газете и специальный литературный материал: критические статьи, рассказы, стихотворения, отзывы о книгах. Тираж газеты увеличился до 9000 экземпляров. Новый редактор сумел привлечь к участию в газете свежие силы. (...). Отношения между сотрудниками и редактором были самые товарищеские. Это обязывало каждого работать не за страх, а за совесть. «Рабочий край» при Воронском настолько окреп, что уже в 1918 г. имел возможность посыпать своих корреспондентов на места гражданской войны. (...). Все это делало газету интересной, занимательной, богатой материалами. Партийное руководство газетой усиливалось (...»)¹⁷.

Очень интересные воспоминания о Воронском-редакторе оставил Г. И. Бейчек: «Умный, сосредоточенный, отзывчивый, чуткий политик, прекрасный марксист, все время прислушивающийся к «подпочвенным» процессам, — он, как говорят на газетном языке, — «делал газеты».

Он быстро схватывал «новости» дня, давал им глубокий анализ. Его передовицы (...) организовывали общественное мнение нашего рабочего kraя в дни ужасных потрясений, в дни гражданской войны, в дни поражений и побед (...), были всячески связаны с переживаниями подлинно рабочей массы. Воронский видел перед собой всегда читателя и всячески старался удовлетворить его запросы. (...)

Как работал Воронский?

Как лошадь!

Писал почти ежедневно политическую передовицу и всегда бил в точку. Зачастую писал и вторую статью. Писал до судорог пальцев. Весь материал газеты проходил через его руки. Исправлял и изменял статьи сам. Устраивал конфликты в типографии, доставал бумагу, поставил вокруг редакции коллектив поэтов (Семеновский, Селянин, Огурцов, Артамонов и др.), выступал беспрерывно на митингах, словом — был подлинным массовиком¹⁸.

Работа Воронского как редактора «Рабочего kraя» нашла поддержку со стороны В. И. Ленина. Во время встречи с Воронским, состоявшейся до 20 января 1920 г., Ленин «дал указание», чтобы газета в Иваново-Вознесенске была «поставлена по образцу столичных газет», а тираж ее увеличен¹⁹.

Под руководством Воронского «Рабочий край» стал «одной из лучших и наиболее солидно поставленных провинциальных газет»²⁰. И это было мнение не только местных, иваново-вознесенских, кругов. Уже в конце 1918 г. газета «Правда» устами старейшего партийного публициста М. С. Ольминского дала «Рабочему kraю» высокую оценку. Он писал: «Большинство провинциальных советских и партийных газет еще не вступили на новый путь. (...) Счастливым исключением является «Рабочий край». Здесь мы находим богатую местную хронику и массу обличительного материала. (...) Читайте «Рабочий край», следуйте его примеру, тт. редакторы партийных и советских газет»²¹. 16 июня 1920 г. в письме чрезвычайному комиссару Совнаркома по распределению бумаги К. Шведчикову, ходатайствуя об увеличении нормы бумаги, отпускаемой «Рабочему kraю»,

Воронский ссылался на поддержку ЦК партии и между прочим сообщал такое мнение о газете: «Наша газета, по общему отзыву знающих людей: Рязанова, Невского, Калинина, Ольминского и других товарищей, лучшая из провинциальных газет»²².

Сам Воронский позднее имел все основания сказать, что газета «Рабочий край» была отголоском, выражителем и показателем славной, героической поры — первых лет революции. «Она подслушивала, старалась в меру своих сил и разумения найти нужные слова, наиболее верный язык для выражения дум и стремлений рабочих и крестьян текстильного края. Она творила волю их и выполняла боевые приказы своего рабочего и партийного штаба»²³.

2

В «Рабочем крае» Воронским было опубликовано свыше 370 статей, рецензий, заметок, фельетонов и других материалов, не считая неподписанных передовиц²⁴.

Естественно, как редактор газеты Воронский в первую очередь выступал партийным публицистом. Огромное количество его статей посвящено политике, партийной работе, борьбе с соглашательскими партиями, событиям на фронтах гражданской войны, разоблачению белогвардейцев и интервентов, международным и внутренним вопросам, местным проблемам. Особо отметим несколько статей о В. И. Ленине: «Владимир Ильич Ульянов (Ленин)» (5 сентября 1918 г.) — написана в связи с покушением на вождя революции; «По поводу одной речи» (27 марта 1919 г.) — о речи В. И. Ленина на VIII съезде партии; «Н. Ленин. (К пятидесятилетию со дня рождения)» (23 апреля 1920 г.)²⁵; «Н. Ленин и крестьянство. (К пятидесятилетию со дня рождения тов. Ленина)» (24 апреля 1920 г.); «О продовольственном налоге, свободе торговли, кооперации, государственном капитализме и коммунизме. (Из брошюры т. Ленина)» (5 мая 1921 г.). Большинство статей партийно-публицистического типа имеет подписи А. Воронский или А. В.; многие из них шли под рубрикой «Политические заметки».

Вторую группу статей составляют мелкие заметки (зачастую фельетонного типа), воспоминания (некоторые из них предваряют мемуарную книгу «За живой и мертвый водой») и художественно-публицистические размышления, написанные в свободной манере. Большинство материалов второй группы подписано псевдонимами Нурмин и Н.

В третью группу материалов можно выделить статьи, рецензии и заметки на литературные темы или написанные на литературном материале. Они-то и являются предметом нашего обзора.

Однако, прежде чем заняться ими, необходимо остановиться на проблеме атрибуции.

Вопрос об авторстве Воронского в «Рабочем крае» представляет значительные трудности, так как зачастую его статьи или анонимны (так, многие передовицы не подписаны, но значительное количество их несомненно принадлежит редактору газеты) или подписаны псевдонимами.

Анонимные статьи можно атрибутировать Воронскому лишь по содержанию и форме изложения, так как архива «Рабочего края» за первые годы революции нет. В принципе это не всегда вызывает затруднения: Воронский обладал ярким индивидуальным стилем, который резко выделяет его статьи среди других материалов газеты. По нему чувствуется, что автор является литератором по призванию, обладает талантом публициста, разносторонне зрудирован и обстоятельно подготовлен в области марксистской теории. В его статьях часто встречаются литературные образы, цитаты, ассоциации, исторические реминисценции, они отличаются свободой и темпераментностью изложения, искусством полемики, страстной убежденностью, богатством словаря, гибкостью синтаксиса, нешаблонностью заголовков. Такова, например, передовая статья «О насилии и насильниках» (21 июня 1918 г.), начинающаяся со ссылки на К. Гамсун. Такова также статья «Обывательщина» (26 июля 1919 г.), в которой говорится о необходимости борьбы с обывательщиной и при этом используются образы и цитаты из произведений Ф. Сологуба («серая недотыкомка»), Г. Успенского (будочник Мымречов), Чехова (унтер Пришибеев), Радищева (обывательщина — это «чудище обло, озорно, стозевно и лаяй») и даются ссылки на Салтыкова-Щедрина и Горького.

В известном «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова указаны следующие псевдонимы Воронского: А. В., Анисимов, Нур-н, Нурмин, Нурмин А.²⁶ В статье «А. Воронский — критик» А. Г. Дементьев называет еще один его псевдоним — А. Климский²⁷.

Из перечисленных псевдонимов в «Рабочем крае» Воронский пользовался двумя: А. В. и Нурмин. Кроме того, на наш взгляд, Воронскому в этой газете принадлежат еще следующие псевдонимы: А. В-ий, В., Валентин, Вега, Глинский, В. Г., Марксист, Одессит.

Валентин — партийная кличка Воронского, этим псевдонимом подписьана статья «Октябрьский переворот и деревня», опубликованная 7 ноября 1918 г. в номере, посвященном первой годовщине Октябрьской революции. В этом же номере под псевдонимом Одессит напечатана статья Воронского «Украина в Октябрьские дни» (в Иваново Воронский приехал из Одессы и, несомненно, с этим фактом связано появление псевдонима Одессит). Валентин и Одессит — псевдонимы разовые, к ним Воронский вынужден был прибегнуть потому, что в юбилейном номере были напечатаны еще другие его статьи за подписями А. Воронский («Значение Октябрьской революции» и «В те дни») и Нурмин («Памяти погибших»). Разовый характер носит и псевдоним Марксист, поставленный под статьей «Параллели» (10 сентября 1918 г.), в которой с марксистских позицийдается анализ Октябрьской революции и Великой французской революции. Характер анализа и стиль статьи говорят за то, что ее автором был Воронский. Псевдонимом В. Воронский воспользовался при публикации первых статей в «Рабочем крае». В дальнейшем он обращался к этому псевдониму крайне редко — лишь в статьях информационного порядка, например, в статьях «Партийная жизнь» (17 ноября 1918 г., 11 и 14 октября 1919 г.), в которых рассказывается о решениях, принятых на заседаниях губкома партии.

Условия газетной работы были таковы, что Воронский зачастую писал для номера несколько материалов: передовую статью (которая, как указывалось, часто шла без подписи), статью общественно-публицистического характера, статью на литературную тему и статью или фельетон под рубриками «Мелкие заметки», «Маленький фельетон» или «Брызги пера». Этим, а также соображениями другого порядка (Воронский, кроме того, что редактировал газету, занимал другие высокие посты в губернии; естественно, далеко не всем своим выступлениям он хотел придавать официальный тон) объясняется то, что Воронский в «Рабочем крае» часто прибегал к псевдонимам.

Выше приведены доводы, объясняющие принадлежность Воронскому псевдонимов Валентин, Одессит, Марксист и В. Какие есть аргументы, позволяющие утверждать, что Н., Вега, Глинский и В. Г. тоже его псевдонимы?

Н.— это инициал псевдонима Нурмин, им подписывались небольшие заметки, относящиеся к текущим событиям: «Положение на Восточном фронте» (18 апреля 1919 г.), «Кто такой Колчак» (26 апреля 1919 г.), «Памяти Герцена (1870—1920)», напечатанная 22 января 1920 г. к 50-летию со дня смерти А. И. Герцена, и многие др. Эти заметки и по тематике и по стилю «вписываются» в круг материалов Воронского в «Рабочем крае».

За подписью Вега опубликованы фельетон о кино «Загипнотизированный Полидор» (2 ноября 1918 г.) и статья «Об одном романе» (20 декабря 1918 г.). Фельетон напечатан в разделе «Мелкие заметки». Обычно свои материалы в этом разделе он помещал под псевдонимом Нурмин. Появление нового псевдонима можно объяснить тем, что выступление по вопросам, связанным с кинематографом, Воронский не считал органически близким другим материалам, которые шли за подписью Нурмин. В дальнейшем Воронский использовал псевдоним Вега только однажды, рецензируя роман Анатоля Франса «Боги жаждут». Начало статьи об этом романе явно указывает на то, что автор — активный и заинтересованный наблюдатель современного литературного процесса. Таким именно и был Воронский. «Впервые этот роман,— говорится в статье,— появился в русском переводе в 1911 году, где он печатался в «Современном мире».

Была пора Арцыбашева и Куприна. В зените стояла звезда Леонида Андреева, а этот роман был обойден молчанием русской критики.

В 1917 году он издан отдельным изданием «Универсальной библиотеки», и вот я вновь перечитал эти страницы изящно изданного тома.

Я говорю о романе Анатоля Франса «Боги жаждут».

Содержание и форма изложения в материалах за подписью Вега вполне в духе Воронского.

Псевдонимы Глинский и В. Г. встречаются устойчиво на протяжении второй половины 1919-го и первой половины 1920 г.

Первым подписывались главным образом некоторые передовые статьи и статьи под рубрикой «Литературные заметки». Те и другие были в основном прерогативой редактора газеты. Авторство Воронского в них можно установить не только по стилю. Например,

статья Глинского «Мы идем вперед» (23 мая 1920 г.) имеет подзаголовок «Впечатления с 8 губернского съезда Советов». В ней идет речь о выступлениях на съезде М. И. Калинина и В. И. Невского, о труде как главном, что «стоит в повестке дня». Впечатления о съезде даны глазами участника съезда, стоящего близко ко всему происходившему. Таким был Воронский — один из руководящих работников Иваново-Вознесенской губернии.

Псевдоним В. Г. можно рассматривать как контаминацию инициалов от партийной клички Валентин и псевдонима Глинский. Им подписаны статьи, так или иначе связанные с литературой и близкие по содержанию и стилю к другим статьям критика на литературные темы.

Принадлежность Воронскому псевдонимов Глинский и В. Г., как, впрочем, и других, указанных выше, подтверждается еще рядом фактов. Во-первых, с уходом Воронского из редакции «Рабочего края» они более не встречаются на страницах газеты²⁸. Не встречаются они и в период с февраля по апрель 1920 г. включительно, когда он находился в длительной командировке на Украине и в Москве²⁹. Во-вторых, их нет и среди псевдонимов, принадлежащих сотрудникам и литераторам газеты³⁰.

3

Обратимся непосредственно к работам Воронского на литературные темы. Общее количество таких работ более пятидесяти. По материалу они касаются классической русской литературы, литературы предоктябрьских лет, зарубежной литературы и современного литературного процесса. Но о чем бы ни писал Воронский, все литературные явления он соотносит с великим переворотом, совершенным Октябрьской революцией. Его критика носит явно выраженный социологический-публицистический характер, отличается классовым, партийным подходом и всегда обращена к насущно злободневным проблемам современности. Критик как бы пропускает явления литературы сквозь призму Октября.

В некоторых статьях Воронский использует литературный материал лишь как иллюстрацию для решения определенных проблем социально-политического порядка. Не случайно подобные статьи нередко печатались под рубрикой «Политические заметки». И даже одна из статей, озаглавленных «Литература и жизнь», помещена под этой же шапкой (26 сентября 1918 г.).

Статья эта написана в связи с продолжением империалистической войны. В ней Воронский зло бичует германскую, английскую и французскую интеллигенцию, «цвет земли» — ученых, художников, философов — за узкий шовинизм, за «слепую злобу, лютую звериную ненависть, тупое бешенство», которые усилились «в каждом выступлении литературного и научного олимпа». Национализм Гауптмана, Ост瓦льда, Андреева и других, противостоящий традициям гуманистической культуры и дошедший «до последней черты», дает основания автору сделать вывод: «Не здесь, в старой культуре, не в верхах старого общества нужно искать те силы, которые в состоянии положить предел неслыханному кровавому преступлению (...). Свет идет не отсюда, он идет с низов, он идет от тех, кто решил приступить к коренной ломке буржуазного общества»³¹.

В статье «Жизнь беспощадна! Да здравствует жизнь!» (2 ноября 1919 г.; подписана псевдонимом В. Г.) Воронский развивает мысль о неизбежности и закономерности смены классов и культур в развитии общества. Говоря о дворянстве, он обращается к образам Тургенева (Рудин, Лаврецкий), Гончарова (Райский), Чехова (Раневская, Гаев). На примере чеховского «Вишневого сада» и произведений Салтыкова-Щедрина и Брюсова он показывает беспощадность и торжество буржуазного принципа с его этикой «Распивочно и на вынос». И вот: «Здание буржуазной культуры охвачено пожаром... Но в жизни неисчерпаемые запасы сил... Идут новые батальоны, их поступь тверда... Они поют: «Мы наш, мы новый мир построим». И ярким цветом новой, еще невиданной культуры покроют землю».

Как критик-социолог и публицист Воронский ориентировался на традиции русской революционно-демократической критики Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Он был хорошо знаком с их статьями со времени учения в семинарии. Но особое значение он придавал наследию Плеханова. В этом он сам признавался неоднократно. И в этой связи особую роль приобретают статьи Воронского о Плеханове, посвященные второй годовщине со дня его смерти и опубликованные в «Рабочем крае» 30 мая 1920 г.

Первая статья «Памяти Г. В. Плеханова (25 ноября 1856 г.— 30 мая 1918 г.)» подписана псевдонимом В. Г. Она построена в чисто биографическом плане и завершается так: «Он умер политически одиноким. Но его славное имя, несмотря на заблуждения последних лет, останется навсегда в скрижалах истории русского и международного рабочего движения — это имя того, кто десятки лет был вождем русского пролетариата и кто первый вручил ему знамя революционного марксизма».

Вторая статья «Г. В. Плеханов (1918—1920 г.)» дана за подпись А. Воронский. Она является логическим продолжением первой. Пафос ее — в раскрытии цепного, непрекращающегося у Плеханова. «Имя Плеханова,— пишет Воронский,— должно быть поставлено наряду с именами Белинского, Герцена, Чернышевского. Плеханова нужно изучать, нужно, чтобы каждый сознательный рабочий знал лучшие сочинения Плеханова. Будет величайшим преступлением, если из-за ошибок Плеханова начнут проходить мимо целого ряда его блестящих работ, до сих пор не превайденных».

Нельзя не заметить, что отношение Воронского к Плеханову и его наследию в целом близко к ленинскому. В своей статье, называя Плеханова «отцом русского революционного марксизма», Воронский отмечает вклад Плеханова в философию, прекрасное владение им марксистским методом анализа явлений, останавливается на борьбе Плеханова с оппортунизмом, дает великолепную характеристику стиля Плеханова и особо говорит о Плеханове как историке русской общественной мысли и истолкователе русской литературы.

«Есть одна область, где колossalная роль Плеханова нами, марксистами, недостаточно оценена. Это область литературной критики. Плеханов оставил нам много статей и книг из истории русской общественной мысли: его книга о Чернышевском, его статьи о Белинском, о Герцене, об Успенском, о Некрасове — далеко не полный перечень того, что было написано Плехановым. (...) Здесь приходится сказать то же самое, что мы сказали о философских работах Плеханова: для того, кто хочет познакомиться с историей нашей общественной мысли и с нашей литературой — с марксистской точки зрения — Плеханов целый клад. С тонким художественным чутьем Плеханов соединял основательнейшее знакомство с предметом, глубокое умение и способность к анализу. В этой области Плеханов наглядно показал, как надо применять метод Маркса»³².

Вполне естественно, что, высоко цения метод Плеханова в изучении и критической интерпретации литературы, Воронский стремился следовать этому методу. В наиболее законченном виде это проявилось в работах 20-х годов и напло теоретическое обоснование в статье «Искусство как познание жизни и современности» («Красная новь», 1923, № 5). Вдумчивая исследовательница эстетики и критики Воронского Г. Порембина по этому поводу пишет:

«Эстетическая система Воронского в первом пятилетии (автор имеет в виду 1921—1925 гг.— *Л. К.*) его деятельности опирается на взгляды Г. Плеханова. Ее основой были первоначальные предпосылки философского материализма, утверждающие первичность материи и вторичность сознания в области онтологии и познаваемость действительности в области гносеологии.

Эти предпосылки утверждали социологический метод критико-литературных исследований, целью которого является прежде всего открытие объективной истины, отраженной в литературе, т. е. его познавательной ценности»³³.

Статьи Воронского о Плеханове в «Рабочем крае» позволяют сказать, что ориентация на плехановскую методологию изучения литературы началась раньше 1921—1925 гг., но его работы лет гражданской войны точнее будет назвать не социологическими, а социолого-публицистическими. Чаще всего явления литературы он рассматривает как партийный публицист, что вполне объяснимо условиями классовой борьбы того времени, когда произошло резкое размежевание в политике, идеологии, культуре. Воронский в первую очередь стремится выяснить, какое значение для революции, для нового общественного строя имеет то или иное литературное явление, «по какую сторону баррикад» оно находится. В зависимости от этого дается оценка ему. Оценка, включающая в себя задачи агитационно-пропагандистского и идеально-воспитательного порядка. Ярким примером этого может служить упоминавшаяся заметка «Загипнотизированный Полидор». В ней автор зло бичует пустой развлекательный кинофильм под этим названием и фильм «Преступление доктора Галановского», выдержаный в низкопробном стиле. «Мы все отлично знаем,— отмечает он,— какое колосальное значение имеет кинематограф,

какое культурно-просветительное влияние он может иметь. И вместо этого гражданину Социалистической Республики преподносятся всевозможные кошмарные драмы и готтентотовский юмор». «Вряд ли более терпим (...) подобный моральный разврат», — делает вывод автор.

На всех статьях Воронского в «Рабочем крае» лежит печать убежденного борца-коммуниста. В этих статьях больше тонов, чем полутонов. Не все конкретные оценки и характеристики, высказанные в обстановке ожесточенной борьбы, сегодня приемлемы, иногда они кажутся чрезмерно прямолинейными, односторонними, произнесенными за пальчиво. Но все это понятно и вполне объяснимо. В главном же — в поддержке революционных сил литературы и искусства и в борьбе с идеяными литературными противниками — Воронский не ошибался. Он ясно видел, что Октябрьская революция вызвала резкое размежевание в среде деятелей культуры. «Культура против культуры (...). Новый мир против старого», — так он писал в статье «Под флагом демократии» (23 ноября 1919 г.). Осуждая в своих статьях позицию писателей, не принявших революцию (Андреев, Бунин, Куприн, Чириков и др.), Воронский противопоставлял им писателей, пошедших одним путем с народом: «Пролетарский демократизм собирает вокруг себя все лучшее, всех, кто ощущает дыхание грядущего, кто понял, что несет завтрашний день, (...) у нас Горький, Блок, Белый, Ромен Роллан» (там же) ³⁴.

4

Один из острых и злободневных вопросов первых лет революции — отношение к классическому наследству. Известно, как В. И. Ленин воевал с руководителями Пролеткульта, пытавшимися создавать новую культуру без опоры на все лучшее в культуре прошлого. Статьи Воронского в «Рабочем крае» проникнуты глубоко уважительным отношением к русской классической литературе, он страстно защищает ее от фальсификаций и ложных трактовок.

Тема классической русской литературы проходит через многие статьи критика. Прежде всего обращает на себя внимание общая высокая оценка русской классики. «Когда-то русская литература была гордостью России, — пишет Воронский в статье «Литература и жизнь» (26 сентября 1918 г.), — и вся она была пропитана огромной любовью к общечеловеческой культуре, она была гуманна в лучшем и высшем смысле этого слова. Она умела возводить явления повседневной жизни в «перл создания» и быть в одно и то же время социалистической и народной».

В другой статье «Классики и упадочная литература» (27 июля 1919 г.) Воронский повторяет эту оценку и подчеркивает непреходящее значение классики для строительства нового мира. «Читайте в первую голову наших классиков — огромные художественные ценности (...). Это то великое, драгоценное наследие, которое передается новому миру, рождающемуся в крови и неизбывных муках. (...) Русская литература — наша гордость. У нас есть произведения истинной красоты. Даже звезды второй и третьей величин у нас горят ярко. Глубокой человечностью проникнута наша литература, начиная с Грибоедова и Пушкина».

Гуманизм, народность, связь с передовыми, освободительными идеями — вот качества, которые привлекают Воронского в лучших произведениях русской литературы. «Наши лучшие русские писатели были демократами», — подчеркивает он в статье «Под флагом демократии» (23 ноября 1919 г.). Статья «Декабристы» (27 декабря 1919 г.; подпись псевдонимом В. Г.) он предпосыпает эпиграф «Из искры возгорится пламя» и указывает на действенность революционных лозунгов декабристов вплоть до Октября. О произведениях Герцена в статье «Памяти Герцена» (22 января 1920 г.; напечатана под псевдонимом Н.) он пишет, что они «до сих пор не утратили своей свежести» и что «рабочим и крестьянам следует учиться у Герцена так же, как учились на нем целые поколения лучших сынов России». Воронский с одобрением отмечает, что Наркомпрос «своевременно выпустил сочинения Герцена, ибо Герцен должен знать каждый из нас».

Помимо того, что русская литература — носитель передовых идей, дорогих и близких тем, кто с революцией начал созидание нового мира, новой культуры, она рассматривается Воронским и как правдивый источник познания прошлого родной страны. В силу своего реализма она создала галерею художественных образов, познавательное значение которых исключительно велико. Исходя из этого Воронский очень часто ссы-

ляется на творчество писателей-классиков, использует литературные образы как глубоко-верное, правдивое отражение породившей их действительности. Сами заглавия некоторых его публицистических статей в этом отношении весьма примечательны. «Чумазый патриотизм» — о буржуазном патриотизме (11 августа 1918 г.), «Господа Подколесины» — о предательстве русской интеллигенции (3 октября 1918 г.), «Окуровщина и партия большевиков» — о борьбе большевиков с окуровской Русью (1 мая 1920 г.). В них широко привлекаются образы Пушкина, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, Чехова, Горького и других писателей. Например, заявляя, что интеллигенты в XIX—XX вв. «только тем и занимались, что «прыгали в окно» в решительные моменты», Воронский ссылается на авторитет русских писателей и упоминает таких героев, как Онегин, Лаврецкий, Обломов и др. В конце статьи Воронский, отправляясь от гоголевского образа, назвал «Подколесинами русской революции» уже не литературных героев, а реальных людей, ренегатствующих писателей начала XX в.: «Господа Арцыбашевы, Винниченко, Сологубы, Андреевы, Ропшины-Савинковы, Мережковские и Гиппиусы занялись писанием пасквилей на революционеров (...). Разве это были не Подколесины русской революции, прыгнувшие в окно в самую трудную и критическую минуту?»

Среди статей Воронского, посвященных классической русской литературе, выделяется статья «Своим умом», напечатанная под рубрикой «Публицистические наброски» в двух номерах «Рабочего края» (за 17 и 19 сентября 1919 г.). Она почти целиком построена на материале творчества Г. Успенского и лишь частично — Чехова. Успенский был одним из самых любимых писателей критика. К его авторитету, к примерам из его творчества Воронский прибегает едва ли не больше всего. «Успенский, — заключает критик, — был народником, он ценил русскую общину как зачаток социалистической культуры, он как никто проник в сокровенный смысл непосильного крестьянского труда, понял и оценил поэзию крестьянской жизни, но, в отличие от целого ряда народников, он видел многое такое, что не было видно многим его современникам. Успенский видел, что вся старая крестьянская жизнь, будучи по-своему совершенна, гармонична, — лишена вместе с тем своей мысли, исканий своей воли». Опираясь на произведения Успенского («Из разговоров с приятелями», «Наблюдения одного лентяя» и др.), подробно анализируя образ Ивана Ермоловича, Воронский показывает, как «власть земли», природа цепко держали крестьянина, не позволяли «вглядываться по сторонам», задумываться «над посторонним».

Вместе с тем, весь анализ образа Ивана Ермоловича направлен у Воронского на то, чтобы доказать, как «случай» в виде новых капиталистических отношений разрушал гармонию жизни Ивана Ермоловича, «заставлял его волей-неволей думать о далеком, неведомом и непонятном», пробуждал его сознание, и он начинает жить уже «своим умом». Успенский выражал уверенность в том, что этот процесс приведет крестьянина к такому итогу: «будет у него свой собственный, выдуманный, взятый умом и волею рай» («Из разговоров с приятелями»).

Величайший смысл русской революции Воронский усматривает именно в том, что она заставила всю Россию «жить своим умом», что она пробудила в массах ответственность за окружающее, за свои и чужие поступки.

Любя и высоко ценя классическую литературу, Воронский решительно критиковал попытки ложного ее истолкования. Замечательным примером этого является обширная статья «Долой разум!» (19 августа 1920 г.), написанная по поводу книги М. Гершензона «Мудрость Пушкина» (М., 1919). Известно, что Пушкин был певцом разума, человеческой мысли. В «Вакхической песне» он провозгласил: «Да здравствует разум!», «Да скроется тьма!» Мудрость Пушкина Гершензон усмотрел в развенчании как раз того, что поэт воспевал. Вот почему статью об этой книге критик озаглавил «Долой разум!».

Гершензон «обработал» Пушкина под Бергсона, — замечает Воронский. Критик обнажает «массу явных натяжек», с помощью которых Гершензон пытался «углубить» Пушкина «до бергсоновского мистического актуализма», заявляя о бессилии и банкротстве разума, утверждая, что «рычаг человеческой воли в иррациональном», и призываая «спуститься вниз», в «бездну», в «таинственные недра», дать выход «темным силам», бессознательному. Пушкин, по Гершензону, будто бы неизвестен просвещение, науку, рассудок, потому что они налагаются на стихию «оковы закона», «обуздывают» ее. Все это, подчеркивает Воронский, есть «откровения Гершензона, не имеющие ничего общего с подлинным Пушкиным».

Он ставит эти «откровения» в прямую связь с «мистическим уклоном западноевропейской общественной мысли», с попытками подорвать теорию прогресса Маркса и рассматривает их как проявление «общего разложения», выражение «идеологии падающего, на половину павшего класса».

5

Защита и пропаганда классических традиций в статьях Воронского сочетались с критикой упадочных, декадентских и ренегатских явлений в литературе, обнаружившихся в начале XX в. Особенно сурово оценивает он полосу 1907—1916 гг., когда, по его словам, художественное слово «играло часто исключительно отрицательную роль» и когда были «забыты великие заветы классиков» (статья «Классики и упадочная литература» — «Рабочий край», 27 июля 1919 г.). Он называет в качестве примера роман «Санин» М. Арцыбашева, «У последней черты» и «Честность с собой» В. Винниченко, «Навы чары» Ф. Сологуба, «Конь бледный» Б. Ропшина-Савинкова, произведения Д. Мережковского, З. Гиппиус, М. Кузмина и других писателей, проникнутые проповедью эротизма, индивидуализма, «грубейшего и пошлайшего эгоизма», зачастую прикрытое «красивыми словами и фразами».

«Нет ничего вредней и губительней упадочной литературы этих дней», — пишет Воронский. Все ее убожество «особенно бросается в глаза теперь, в годы великих событий и невиданных классовых битв. Развернешь какой-нибудь альманах «Шиповник» и только диву даешься. Непонятно, почему автор носится с «переживаниями» своего героя, как любили тогда выражаться. И герой-то совсем неинтересный, а «переживания» его интересны либо для него самого и автора, либо для психиатрической лечебницы и, в сущности, выеденного яйца не стоят...» Естественно звучит общий вывод статьи: «... не учитесь у Сологуба, Арцыбашева, Андреева, Винниченко, Мережковского, Гиппиус, Кузмина времен 1907—1916 годов. (...) Толстой и Тургенев, Успенский и Некрасов, Гоголь, Чехов, Салтыков, Горький, Короленко, литература семидесятников и предрассветного периода девяностых годов, но не литература упадка и переоценки ценностей с точки зрения буржуазного индивидуализма».

Воронский оговаривается, что не хочет «огулом осудить» литературу этой эпохи, а имеет в виду лишь ее «основной тон». Так, решительный и справедливый протест критика вызывает отход писателей от общественной тематики, от гуманистических традиций и проповедь в их творчестве шовинизма и лжепатриотизма (особенно в период первой мировой войны). «Где, — спрашивает он, — гневные и саркастические вещи, в которых велась беспощадная война с пошлостью, с российской интеллигентской обывательщиной, с человечками в футляре, с «недотыкомкой серой» во имя правды-истины и правды-справедливости? Где грустная и нежно-страстная мечта Успенского о «выпрямлённом» во весь свой рост человеке?! Все забыто. На страницах патриотических буржовок (биржовок?) Здесь Воронский, по-видимому, обыгрывает название буржуазной газеты «Биржевые ведомости». — П. К.) успокоились наши литературные светила: Андреев и Куприн, Арцыбашев и Сологуб. В общем хоре диких патриотических завываний их голоса мы слышали все» («Литература и жизнь» — «Рабочий край», 26 сентября 1918 г.).

Специальную статью — она называется «Борис Савинков» (21 октября 1920 г.) — посвятил критик творчеству Б. Ропшина-Савинкова. Статья, носящая характер памфлета, написана с целью проследить эволюцию этого писателяся, одного из лидеров партии зсеров, террориста, к союзу с Брангелем. Если присмотреться к духовному облику Савинкова в прошлом, замечает Воронский, то его «чудесное превращение (...) станет менее странным». И он дает анализ его романов «Конь бледный» (1911) и «То, чего не было» (1913), раскрывает духовный и нравственный мир их героев Жоржа и Андрея Болотова, которые выражают сокровенные мысли и чувства автора этих произведений. Критик показывает, что и Жорж, и Болотов действуют не во имя любви к угнетенным и ненависти к угнетателям, что по существу это авантюристы и индивидуалисты до мозга костей, люди с опустошенной душой. Романы дают возможность убедиться в том, что «террорист, бомбист Савинков, в сущности, бесконечно далекий человек от всей текущей революционной борьбы». В конечном итоге в лагере контрреволюции «Савинков только нашел самого себя». И вот: «Конь бледный стоит у границ новой Советской России. Конь бледный топчет русские луга и нивы и шагает по тысячам трупов. И на нем Жорж — Болотов —

Савинков». Творчество Ропшина-Савинкова для Воронского — яркий пример ренегатствующей литературы, литературы, компрометирующей идеи революционной борьбы.

Одним из отрицательных явлений в литературе предоктябрьского десятилетия Воронский считает распространение пинкертоновщины. В статье «Литература и жизнь» (26 января 1919 г.) он останавливается на причинах увлечения «пинкертоновской литературой» и видит их не только в темноте, невежестве, плохих литературных вкусах, которые «прививались уличной копеечной прессой», но и в том, что у современных писателей, в том числе у настоящих талантов, «пропала фабула, пропал художественный вымысел». «Он был у Гоголя, Пушкина, был у Тургенева, Толстого, но нет у Бунина, нет у Горького, и у целого ряда современных писателей». Исключение Воронский делает лишь для Куприна, которого считает хорошим рассказчиком³⁵. Следствием писательского пренебрежения фабулой, художественным вымыслом явилась погоня читателей за интригующим сюжетом, который находили в «пинкертоновской литературе» и тянулись к ней, поскольку «литература последнего периода разучилась рассказывать», а между тем, «рассказ — неотъемлемая вещь всякого истинного художественного произведения».

В «суммарных» характеристиках Воронского творческие особенности отдельных писателей не всегда достаточно учитываются, с чем можно столкнуться, обратившись и к его оценкам текущей литературы, и это надо иметь в виду. Но все же следует подчеркнуть, что при анализе конкретных литературных произведений обычно проявлялись его эстетическая чуткость и стремление «извлечь» из произведения объективно-познавательный смысл.

В этом отношении показательны оценки Воронским творчества И. А. Бунина. В первую очередь оценки диктовались политической позицией писателя, который не принял Октябрьскую революцию и связал себя с белогвардейским движением. Позицию Бунина Воронский считает предательской (статья «Братья-писатели», 20 февраля 1919 г.). Он знал Бунина лично, встречался с ним в Одессе в 1911 году, когда писатель «приятельски» посещал квартиру В. В. Воровского. Напоминает, что Бунин участвовал в 1913—1914 гг. в журнале «Просвещение», издававшемся большевиками во главе с Лениным. Тем поразительней поворот Бунина от демократии к контрреволюции. И подобного поворота критик, естественно, не может простить писателю, о чем свидетельствует и его статья «Цивилизаторы» («Братья». Ив. Бунин) (29 июля 1919 г.).

Обличая Бунина, вместе с тем критик не забывает того ценного, что писателем создано. Называя Бунина «одним из лучших наших заслуженных художников», он обращается к его рассказу «Братья» (1914) и отмечает, что в нем дано «поразительно яркое и исключительное по силе художественности» описание «цивилизаторской» деятельности английских колонизаторов. В статье воспроизводятся эпизоды рассказа, в которых показывается, как «знатный иностранец» загонял старика-рикшу, довел до самоубийства его сына и укрыл у этого юноши невесту. Описывая рабское положение туземцев, цинизм и пресыщенность европейских буржуа-«цивилизаторов», Бунин, по словам Воронского, «нашел в себе мужество заклеймить и вскрыть истинную подоплеку «человечности» империалистических разбойников» — в этом он видит главный смысл и достоинство рассказа «Братья».

В статье «Предчувствие революции» (опубликована 7 мая 1920 г. под псевдонимом В. Г.) Воронский говорит о Бунине как о «законченном лучшем прозаике наших дней». Он относит его к тем писателям, которые «силой художественной интуиции поднимают завесу грядущего». При этом он ссылается на рассказ 1915 г. «Господин из Сан-Франциско» и пишет далее: «У этого господина нет лица, нет имени, и так без имени и лица он вырастает в небольшом рассказе до трагического символа всего империалистического мира, до трагического символа всей буржуазной культуры». Объективно из этого произведения вытекает, что революция — это «справедливое возмездие», «правовая идея нового общества».

Если из прозаиков начала XX в. за предчувствие грядущей революции, неизбежных катализмов и катастроф Воронский выделяет Бунина, то из поэтов в связи с этим называет одного «из совершенных мастеров нашего времени» А. Блока, цитирует его пророческие стихи из цикла «На поле Куликовом» и уподобляет его «вещему певцу демократии» У. Уитмену.

К творчеству Блока Воронский специально обращается дважды: в рецензии на брошюру поэта «Катилина. Страница из истории мировой революции» (26 сентября 1919 г.)

А. К. ВОРОНСКИЙ СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ 8-ГО ГУБЕРНСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

В первом ряду слева направо: председатель губкома РКП(б) О. А. Варенцова, М. И. Калинин, председатель губисполкома Н. Н. Колотилов. Выше (третий справа) — А. К. Воронский

Фотография (фрагмент). Май 1920 г.

Ивановский объединенный историко-революционный музей

и в статье «Литературные наброски» (30 октября 1919 г.; подпись: В. Г.) — о поэме «Двенадцать».

В изображении Блока Катилина, как известно, предстает римским «большевиком», первым из революционеров, восставших против разлагающегося римского общества, которое уподобляется современному капитализму. Отмечая это и называя Блока «одним из самых талантливых и глубоких художников», «тонким эстетом и великим мастером стиха», суть работы поэта Воронский видит не в том, был или не был «большевиком» Катилина, а в том, что Блок «мыслит современно», что он «нашел в себе силы отвернуться от позорно издыхающей современной буржуазной культуры» и «во дни великой борьбы» оказался вместе с революционной стихией большевизма.

Эту же мысль критик развивает и в «Литературных набросках», относя Блока, «большого тонкого художника», автора «прекрасной поэмы» «Двенадцать», к числу тех, кто стремился прозреть «сокровенный смысл» революции, постичь и увидеть блаженный край освобождения «там, за далью непогоды». Отмечая, что поэма «написана под свежим и острым впечатлением Октябрьской революции», Воронский трактует героев «Двенадцати» как «апостолов Мирового Восстания», призванных разрушить до тла старый одряхлевший мир. Он считает мастерским изображение в поэме типов этого старого мира. И в то же время, по его мнению, «Блок не мог избежать общей всем интеллигентам ошибки: он не видел движения масс, героического восстания и борьбы»; «хаос первых моментов» революции наложил отпечаток на созданные им образы двенадцати красногвардейцев. Отсюда — «наряду с исторической миссией последнего освобождения от социальных цепей [...]» кровь и преступление — человеческое, слишком человеческое». Однако последнее «Блок нашел возможным искупить в мировой миссии двенадцати», и «символом высшего оправдания» их действий является в поэме образ Христа. Таково, в общем, tolkovanie поэмы «Двенадцать» Воронским, близкое к тому, которое существовало в партийных и советских изданиях тех лет и которое противостояло злобным нападкам на поэму и ее автора в стане врагов революции и либеральной интеллигенции³⁶.

Рецензия на «Катилину» и статья о «Двенадцати» представляют собой уже отклики Воронского на текущий литературный процесс, на литературу, появившуюся после Октябрьской революции. Революция и литература — этот угол зрения, постоянно чув-

ствующийся в статьях Воронского о прошлом, становится особенно ощущимым, когда он высказывается о литературной современности в прямом смысле этого понятия.

Судя по статьям и заметкам, в поле зрения Воронского 1918—1921 гг. находились многие явления текущей литературы. Он откликнулся на выход в свет ряда литературно-художественных сборников, альманахов и журналов: «Огни» (М., 1918), «Эпоха» — кн. 1 (М., 1918), «Слово» — сб. 8 (М., 1918), «Книга» — сб. 2 (Пг.— М.— Киев, 1920), № 1 журнала «Художественное слово» за 1920 г. Писал о творчестве М. Горького, С. Гусева-Оренбургского, И. Бунина, В. Брюсова, А. Блока, А. Белого. Давал оценки и делал разбор таких произведений, как «Катастрофа» П. Бессалько, «Затишье» И. Матусевича, «Прапорщик Игнатов» М. Криницкого, «Голубая звезда» Б. Зайцева, «Милосердия» А. Н. Толстого, «Чаша скорбная» Б. Тимофеева, «Заклинательница змей» Ф. Сологуба, «Шелковый дождь» М. Кузмина, «Крестики» А. Ремизова, «При дверях» Б. Пильняка и др. Его остро волновал вопрос о новой литературе, о творчестве писателей, идущих из недр рабоче-крестьянской массы.

Прежде всего Воронский пытается разобраться в вопросе о том, почему с революцией замолчали многие писатели и возникло состояние литературного распутья. Его статья, напечатанная в газете 11 декабря 1918 г., названа весьма симптоматично: «Сумерки богов». В ней говорится, что старая литература умерла, писатели молчат, «умерли и не восстанут». «Может быть, это печально, но это так. Не знаю, вернутся ли к художественной жизни те или иные писатели, скорее всего вернутся, но школа, эпоха уже не вернется».

Воронскому было ясно, что с Октябрьской революцией должна была начаться новая эпоха в развитии литературы, с новыми общественными и идеино-художественными основаниями. «В это железное время действия масс», замечает критик, многим старым писателям нечего было сказать, они оказались банкротами, так как в основе их деятельности лежала «интеллигентская индивидуалистическая психика», которую новая эпоха отрицает³⁷. «Старый индивидуализм умирает. Вот почему в бессилии молчат наши художники. С чем они пойдут в эти толпы восставших масс? В эту борьбу, доведенную до крайнего ожесточения? Неужели Андреев будет рассказывать о запутавшейся и съевшей саму себя «мысли» Керженцева, а Бунин о тихих умирающих дворянских усадьбах, а Сологуб о Триродове и «тихих мальчиках». Их не поймут, да и не нужно это сейчас. Их не поймет новый хозяин жизни».

«Старому интеллигентскому индивидуализму» Воронский противопоставляет развитие и раскрытие человеческой личности на основе колLECTIVизма. «Новый хозяин не «панургово стадо», он не намерен растворять личность в коллективе, но его индивидуализм, как небо от земли, далек от особых, замкнутых, довлеющих в себе мирков Андреевых, Буниных и Сологубов». Этот «новый индивидуализм», под которым следует понимать человеческую личность новой формации, возросшую под воздействием социалистических общественных отношений, находился, по Воронскому, лишь в зачаточном состоянии, он еще не окреп для того, чтобы выразить себя в литературе. Иначе говоря, с точки зрения критика, еще не сформировался новый тип художника, потребность в котором властно-диктовала революция.

Этими двумя обстоятельствами — банкротством старых писателей и неумением новых, нарождающихся писателей выразить себя — Воронский объясняет состояние распутья и молчания, которое, по его наблюдению, переживала тогда литература. Разумеется, это наблюдение сейчас нельзя считать абсолютно верным. Картина состояния литературы была сложнее, было не только распутье и молчание, но и бурный отклик на события всемирно-исторического значения (В. Маяковский, А. Блок, Д. Бедный, С. Есенин, поэты-пролеткультиваторы и др.). Однако в среде старой художественной интеллигенции преобладала растерянность, непонимание.

В статьях критика немало упреков в адрес тех литераторов, которые сформировались и творили еще до Октября. Прежде всего, он критикует их за нежелание увидеть, понять и отразить текущую современность. В статье «Из недавнего прошлого» (27 декабря 1918 г.) Воронский рецензирует литературный сборник «Огни», включавший в себя стихи Вяч. Иванова, В. Брюсова, И. Эренбурга, рассказы Н. Бромлей, Г. Чулкова, Л. Никулина, И. Новикова, И. Матусевича, М. Рослякова, статьи Ю. Айхенвальда и Б. Кремниева, и дает ему следующую общую оценку: «В сборнике совсем не отразилась настоящая, текущая, живая жизнь. Как будто не было ни Февральской, ни Октябрьской революции. Как будто писатели сидят на совершенно другой планете и совершенно не-

знают, что делается на нашей грешной земле. И, может быть, глубокая правда заключается в стихах Валерия Брюсова (критик цитирует далее его сонет «Наряд весны». — П. К.):

Лиши наш привычный взор, угрюм и туп,
Обходит равнодушно зелень куп
И свежесть нив под возрожденной новью.

«Свежесть нив под возрожденной новью», по-видимому, чужда и непонятна участникам сборника».

Подобный же упрек бросает критик и авторам альманаха «Эпоха», выпущенного издательством «Альциона». В нем участвовали Бунин, Блок, Брюсов, Белый, Сологуб, Кузмин и др. В статье «Литературные заметки» (31 июля 1919 г.; под псевдонимом Глинский), где идет речь об этом альманахе, он уважительно говорит о Блоке, Брюсове, Бунине как создающих глубокие по смыслу и совершенные по форме произведения, выделяет стихотворение А. Белого «Современникам», где есть «глубокое прозрение и отзвук наших дней», но в целом, пишет он, «кроме первого стихотворения Андрея Белого, кажется, что все вещи в прошлом. Мировая война, мировая революция не коснулись их совсем крыльями — отжившие люди, отжившие тени, отжившие настроения...» Такова итоговая оценка альманаха «Эпоха».

Особенно резкой критике подвергаются в альманахе стихи Б. Ропшина-Савинкова, которые «бледны, неинтересны», а их темы «шаблонны, банальны». Воронский высказывает удивление, как вообще стихи Савинкова — вдохновителя недавно отгремевшего восстания эсеров в Ярославле — могли появиться в печати. Прозу (роман Ф. Сологуба «Заклинательница змей», повесть М. Кузмина «Шелковый дождь», рассказ В. Мозалевского «Пантейистическая Полина»), составившую большую часть альманаха, критик считает «совершенно неудовлетворительной». О Сологубе пишет, что он «лишен социального чутья», психология героев романа, особенно из рабочей среды — «ему чужда», «от этого все произведение кажется выдуманным, вымученным»; М. Кузмин рассказывает «изящно», но его произведение незначительно по содержанию; рассказ Мозалевского «манерен, вычурен и даже пелен».

Лучше, считает Воронский, писателям удается запечатлеть то, что связано с прошлым. «Умирающий быт» — так озаглавлены «Литературные заметки», напечатанные в «Рабочем крае» 9 сентября 1919 г. под псевдонимом В. Г. Они написаны по поводу 8-го сборника «Слово», выпущенного Книгоиздательством писателей в Москве, и в основном посвящены повести Бориса Зайцева «Голубая звезда» и рассказу А. Н. Толстого «Милосердия!», в которых реалистически запечатлен старый быт, разрушенный теперь ураганом революции.

Разбирая повесть Зайцева, Воронский делает экскурс в предшествующее его творчество и в «Голубой звезде» видит выражение типичного для него мировоззрения:

«Особое миросозерцание — принятие мира со всеми его падениями и горними взлетами — основной лейтмотив творчества Б. Зайцева.

«Я» индивидуальное и «я» социальное в его творчестве растворяются и поглощаются в «я» космическом, как в буддийской нирване.

И люди, и вещи, и общественные столкновения, настроения и катастрофы — все для него лишь отражения, борения иной космической жизни. Нет грани между жизнью и смертью. И та и другая лишь формы космического бытия, приливы и отливы воли вечности.

Поэтому-то любимые его герои проходят в жизни странные и призрачные, как бы скользят по ее поверхности, едва касаясь; умудренные и чувствующие Вечность и кажущиеся остальным людям просто-напросто милыми чудаками, незлобивыми и забавными.

Таков Христофоров, беззаботный, святой бедняк, поклонник Франциска Ассизского, «не то поэт, не то отшельник», влюбленный в голубоватый, очаровательный, таинственный свет Веги в последней повести Б. Зайцева».

Основой повести, по мнению критика, является сопоставление жизни этого героя с жизнью и бытом той Москвы, «которой уже нет» и воплощением которой выступают другие герои повести: развратная миллионерша Анна Дмитриевна, нежная девушка Машура, картежник Фонни, офицер генерального штаба Никодимов, студент Антон и др. Все они живут «широкой, беспутной, грешной, беззаботной, беспечной» жизнью, совершающей свой круговорот. Но «над жизнью московских мансард, чердаков на Молчановке, где жили

одинокие мечтатели, над буржуазными кабинетами, салонами на Пречистенке <...> проносятся могучий ураган революции — и «испепелил старый быт». «И как унылы, — воскликает критик, — беспомощны и жалки люди, выброшенные на песок в этом могучем урагане!»

Если действие в повести Зайцева опрокинуто в прошлое, то Алексей Толстой в рассказе «Милосердия!» рисует, по словам Воронского, «тот же быт», но спустя двенадцать месяцев после революции. В нем показана жизнь семьи, которая стала обломком «когда-то хорошо оснащенного суденышка».

Произведения Б. Зайцева и А. Толстого дают критику повод произнести приговор старому, умирающему быту. Вместе с тем их объективное значение он видит в том, что эти произведения как бы предупреждают: кто не найдет в своем сердце отклика на призывы революции, тот погибнет. Не случайно он завершает статью словами, которые Бунин поставил эпиграфом к «Господину из Сан-Франциско»: «Горе тебе, Бавилон, город крепкий!».

Резкому осуждению подвергает Воронский настроения растерянности, состояние безнадежности, уход от революционной современности в далекое прошлое, нашедшие выражение в произведениях, опубликованных в сборнике «Книга» № 2 и в журнале «Художественное слово» (1920, № 1). Об этих изданиях он пишет в очерке «Без дороги» (21 ноября 1920 г.).

В первом он обращает внимание на рассказ А. Ремизова «Крестики», в котором настроения пессимизма и бездорожья сочетаются с прозрачными намеками на то, что в жизни теперь правит тот, у кого есть хлыст. «Ни идеала, ни надежды, ни веры. Без дороги. Куда-то понукает ехать *московский ямщик*, да и он-то непутевой» — вот, по мнению критика, идейное содержание рассказа Ремизова «Крестики». Здесь же, в сборнике «Книга», Воронский критикует статью Л. Войтоловского о Л. Андрееве, в которой говорится «о сбывающихся черных пророчествах» этого писателя: «Читаешь статью и вспоминаются страницы из Мережковского о грядущем хаме».

Из журнала «Художественное слово» Воронский кратко анализирует рассказ Н. Ашукина «Венеция» и рассказ Б. Пильняка «При дверях». Действие в рассказе Ашукина происходит в октябрьские дни, но один из героев занят коллекционированием старых вещей и чувствует себя «лишним человеком», а другой «грезит старой Венецией времен дожей и догарресс». «Все реальное, — замечает критик, — Москва, революция, все уплыло». Хотя в рассказе Пильняка изображены современные люди — военспецы, военкомы, комиссары, врачи, девушки, писатели, но, по определению критика, в рассказе даны «нелепые обрывки нелепой опустившейся жизни», показаны «люди, которые уже ни во что не верят, которым больше нечего терять».

В целом очерк «Без дороги» имеет целью, опираясь на произведения художественной литературы и публицистики, выявить «настроения некоторых кругов нашей интеллигенции в России и за границей». В нем широко использована белоэмigrantская пресса, стихи Н. Крандиевской, Дона Аминадо, статья Б. Мирского в № 3 парижских «Свободных мыслей» и др.

Тема интеллигенции, пути и судьбы интеллигентии в бурном XX в. и их отражение в литературе привлекают особое внимание Воронского. Он приветствует роман П. Бессалько «Катастрофа», изданный Пролеткультом, потому что в нем с «потрясающей правдой» рассказываю о «гнусном и темном времени реакции 1907—08 годов» и в частности о ренегатстве интеллигентии («Господа Подколесины» — «Рабочий край» за 3 октября 1918 г.). Положительно оценивается им и роман Марка Криницкого «Пропорщик Игнатов» (1918), изображающий первую мировую войну.

Роман Криницкого рассматривается (в статье «Без дороги» — 5 января 1919 г.) в сопоставлении с книгой рассказов Бориса Лазаревского «Во время войны» (1915). Обоих писателей, с точки зрения критика, «художников средней величины», объединяет одна и та же тема — «наша российская интеллигенция во дни войны». Однако в трактовке этой темы «между художниками лежит пропасть не меньшая, чем между 1915 годом и 1918».

В чем критик усматривает «пропасть»? В рассказах Лазаревского русская интеллигенция показана переродившейся под влиянием войны, нашедшей смысл жизни, она вся — «патриотический подвиг». «Рассказы Б. Лазаревского, — говорит Воронский, — воскрешают в памяти поистине позорнейшие времена нашей литературы, когда она уни-

зилась до казенного, барабанного ура-патриотизма». Между прочим, и по поводу рассказов С. Гусева-Оренбургского, написанных в 1915—1916 гг. и изданных в 1918 г. как XV том собрания сочинений писателя, Воронский с негодованием восклицает: «Какая это позорная, квасная, патриотическая дребедень!» («Братья-писатели» — 20 февраля 1919 г.).

Достоинство романа Криницкого критик видит в том, что в нем дается совершенно иное освещение героев и событий: «Правда, и он (М. Криницкий. — П. К.) отмечает «порыв», патриотические манифестации, но в изображении Криницкого все это было поветрием. За этим поветрием быстро наступил момент крайнего морального разложения и бездорожья». Подобный вывод позволяет сделать критику судьба заглавного героя романа. Прапорщик Игнатов убеждается на фронте в бессмыслиности и преступности империалистической войны, возвращается в Москву нравственно разбитым, но не может там найти себе место в жизни. Привлекает Воронского в романе и фигура другого интеллигента — издателя «высоко патриотической газеты» Лихачева, который живет, руководствуясь моралью: «умные — в плену, богатые — в тылу, а дураки дерутся», и в то же время считает себя «мозгом нации», которая должна его сохранять и оберегать. Критик предупреждает, что подобные типы, «пользуясь бездорожьем русской интеллигенции», могут пролезть в советские органы и орудовать | там так, что это будет выгодно лишь Лихачевым, а не Советам и честной интеллигенции.

Роман Криницкого «Прапорщик Игнатов» дает Воронскому еще один повод для критики «бездорожья нашей русской интеллигенции», кризиса и банкротства ее духа, потери ею «бога живого человека» (А. П. Чехов), для постановки вопроса о том, «пойдет ли в конце бездорожья интеллигенция по одному пути с народом». Все эти мотивы впервые прозвучали еще в статье «Народ, революция и интеллигенция» (28 июня 1918).

Из произведений, воскрешающих события только что минувшей четырехлетней войны, с большим сочувствием встретил Воронский книгу Б. Тимофеева «Чаша скорбная» (1918). Он поставил ее в один ряд с романом Б. Ибаньеса «4 всадника» (Испания), «прекрасной, изумительной книги» Ари Барбюса «В огне» (Франция) и романом Э. Штильгебауэра «Ад» (Германия). Анализу повести Тимофеева посвящена первая часть «Литературных заметок», напечатанных под псевдонимом Глинский 31 июля 1919 г. Воронский одобряет ее за то, что в ней «просто и безыскусственно даются картины мирной жизни, мобилизации, фронтового быта, боев, горя и страданий народа». «Над книгой веет страшный и суровый бог войны, но издалека слышно веяние иных мощных крыл — крыл Революции». Идея неизбежного преобразования мира выражена и в эпиграфе, взятом из Евангелия («Переходит бо образ мира сего»), и в размышлениях искалеченного войной кандидата прав Погожева, который мечтает увидеть «всечеловеческую безмерную любовь», «любовь к незнакомому преображеному человеку». Именно эти стороны произведения Тимофеева — идея преобразования мира, вызревавшая в горниле войны, и гуманизм — привлекли к себе внимание критика.

Выше уж говорилось, что с Октябрьской революцией Воронский связывал возникновение новой литературы и формирование нового типа писателя. Он верил, что новое поколение писателей выйдет именно из недр народа:

«Несколько лет тому назад Куприя писал, что он ждет, когда во врата художественной литературы придет кто-то новый, великий, придет литературный Мессия.

Да, он нужен, как вода и воздух, этот новый Мессия.

И он идет из недр революционного народа. От сохи и станка» («Братья-писатели» — 20 февраля 1919 г.).

Известно высказывание В. И. Ленина о том, что капитализм не давал возможности развернуть свои способности талантам из народа, «мял, давил, душил» их «тысячами и миллионами», и лишь Октябрь создал условия народу для самостоятельного творчества новой жизни³⁸. В полном соответствии с этим Воронский пишет в статье «О свободе печати» (2 октября 1919 г.), что Дорошевичи и Арцыбашевы имели свободу слова только для себя и «давили молодые ростки народного творчества», и лишь с революцией «ростки» получили возможность развернуться и проявить себя. «У Ибсена, — пишет критик, — скольз Ят-гейр говорит: «Самые дорогие песни — это еще не рожденные». (...) Теперь эти тысячи трудовой, рабочей интеллигенции потянулись к литературе, теперь они складывают свои «нерожденные песни», теперь впервые тысячи из них нашли себе место, где они могут говорить свободно».

Воронский давал решительный отпор тем, кто кричал, что Советская власть попрала свободу печати, свободу творчества. Он заявлял: «*Истинная свобода печати для миллиона трудового народа, для народившейся рабоче-крестьянской интеллигенции, для всех тех, кто пишет в чердаках и подвалах, на сундуках и подоконниках, впервые осуществлена при Советской власти.* (...) Истинная свобода печати существует для народа только теперь».

С творчеством молодых писателей из рабоче-крестьянской среды Воронский связывал обновление литературы, он надеялся, что они внесут в нее «свежую, боевую струю» («Литература и жизнь», 26 января 1919 г.). Он указывал, что за образцы им надо брать творчество лучших русских писателей, учиться у них создавать истинно художественные произведения. Он напоминал, цитируя слова Гоголя и Тургенева: «Писатель должен явления жизни возводить в «перл создания», он должен из грубого куска жизни творить то, что «лучше жизни и более похоже на правду, чем сама жизнь» (там же). И в то же время Воронский предостерегал рабоче-крестьянских писателей от слепой подчиненности старым традициям, призывал их избирательно подходить к тем или иным образцам. В частности, он писал, что появилось немало произведений пролетарской литературы, но «бросается в глаза подчиненность молодых пролетарских писателей старым традициям. И прежде всего, нет фабулы. Идут бесконечные описания природы, душевных изломов и т. д. Даже у лучших из них, например у Гастева, нет рассказа, нет фабулы, нет художественного вымысла». И далее указывал: «Фабуле, рассказу нужно дать подобающее место. Тогда, и только тогда наши пролетарские писатели мало-помалу вытеснят пинкертонов и шерлок-холмсов» (там же).

Размышляя о новой литературе и ее отличительных качествах, Воронский не мог пройти мимо темы труда, ее места в литературном творчестве. В статье «Новые скрижали» (29 декабря 1918 г.) он пишет о «скрижалих освобожденного и радостного труда» и подчеркивает: «Счастье — это свободный, великий и радостный труд, вот что начертано в новых скрижалиях». Отмечая, что в прошлом целые классы и группы людей были оторваны от труда, а для других он был только бременем, критик с этой точки зрения кратко прослеживает развитие русской литературы и дает такую характеристику образам и писателям:

«Вот они проходят целым сонмом перед нами: мятущийся Чацкий, неудовлетворенный Онегин, холодный и разочарованный Печорин, слабый и нерешительный Рудин, сомневающийся Нежданов, запутавшийся в этом мире Раскольников, странный Иван Карамазов и еще более странный Керженцев, совестливый Пьер, грустные чеховские сестры.

Все они были незанятые люди, праздные прежде всего, они были исковерканы эпохой, средой и никогда не знали счастья свободного труда.

Но у многих из лучших было предчувствие этого счастья.

Глеб Успенский с поразительной силой открыл во «власти земли» русскому обществу поэзию и радость разумного крестьянского труда. (...) О труде как о выходе говорят чеховские сумрачные люди».

Весь пафос статьи «Новые скрижали», учитывая ее «оснащенность» литературным материалом и литературными примерами, состоит в том, чтобы акцентировать роль и значение темы труда для новой литературы, поскольку освобожденный труд стал основой развития нового общества, его «новыми скрижалиями».

Задумываясь над новой литературой и новым типом писателя, рождающимися в ходе революции, Воронский, естественно, не мог пройти мимо фигуры М. Горького и роли его литературного опыта. О Горьком он писал еще до Октября ³⁹. О своем восприятии творчества Горького критик хорошо рассказал в статье «М. Горький», впервые напечатанной в «Рабочем крае» 13 февраля 1921 г. ⁴⁰.

Вспоминая «утренние зори первой русской революции», Воронский отмечает, что в эти дни его поколению «нельзя было читать произведения Горького без того, чтобы они не захватывали целиком». Захватывал романтизм Горького — «призвы Сокола и песни о Буревестнике». Захватывала уверенность Горького, что косная современная жизнь может быть переделана, что «в ней есть зачатки другой, новой правды, новой жизни». «Мы видели сквозь призму произведений Горького, — пишет критик, — Русь неспокойную, ищущую, взлекавшую правды и истины, а в людях на дне, в опорках, сквозь отекшие от пьянства черты нам открывались истинно человеческие лица. «Человек — это звучит

А. К. ВОРОНСКИЙ СРЕДИ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ — ДЕЛЕГАТОВ ВТОРОГО КОНГРЕССА III ИНТЕРНАЦИОНАЛА, ПОСЕТИВШИХ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК

В центре — А. К. Воронский

Фотография (фрагмент). Июль 1920 г.

Ивановский объединенный историко-революционный музей

гордо». Вместе с художником мы создавали в своих мечтаниях этого гордого человека, не чувствовали себя одинокими и верили в будущее».

Статья «М. Горький» примечательна тем, что создает живой, одушевленный образ Горького, проникнута глубоко личным чувством автора к великому пролетарскому писателю. В ней живо рисуется встреча Ленина и Горького, состоявшаяся в начале 1921 г., воспроизводятся высказывания Горького о текущем состоянии художественного слова. Безусловно, мысли Горького о старых и новых писателях, о новом читателе, о необходимости показывать успехи Советской России были близки ее автору, как близок был и весь творческий облик писателя.

В статьях Воронского имя Горького встречается довольно часто, нередко он цитирует его, ссылается на отдельные произведения, а к статье «Товарищ Фрунзе (Арсений). (В связи с разгромом Брангеля)» (17 ноября 1920 г.) в качестве эпиграфа берет слова из «Песни о Соколе»: «Безумству храбрых поэм мы песню. Безумство храбрых — вот мудрость жизни». Иногда он критикует Горького. Например, он критикует очерк «Ланпочка» за то, что в нем преувеличены эксцессы, происходившие в деревне в период революции («Народ, революция и интеллигенция»)⁴¹.

Появление этого очерка из-под пера Горького критик связывал с ошибками Горького в 1917—1918 гг., которые, по его определению, были продиктованы «личными качествами Горького, его мягкостью, отвращением к крайним формам борьбы».

Об ошибках Горького Воронский писал и в статье «Максим Горький с Советской властью» (12 сентября 1918 г.), подчеркивая, что они носили временный характер. В основе своей, по характеристике критика, «Горький — гениальный художник и большой честный человек. Он — плоть от плоти трудового народа. В годы реакции он все время шел нога в ногу с рабочим классом. Личный друг Ленина, Луначарского и других большевиков — он долгие годы работал вместе с ними за границей». Как «большой и чуткий человек и сын народа», Горький не мог не оценить и не признать «огромную творческую работу Советов». «Выстрел в Ленина (...) показал всем, в том числе и ему, кто является виновником ужасов гражданской войны, от кого исходит почин».

Преодоление Горьким своих ошибок, активное признание им Советской власти, приход к полному сотрудничеству с ней Воронский назвал «крупнейшей победой» советского строя и приравнял ее к победе, одержанной тогда Красной Армией на Восточном фронте.

О Горьком Воронский опубликовал в «Рабочем крае» две статьи. Однако обращает на себя внимание следующий факт: газета, им редактируемая, проявляла к Горькому исключительный интерес, на ее страницах печаталось в те годы большое количество материалов, связанных с писателем: перепечатывались горьковские статьи, публиковались статьи и стихи, ему посвященные, сообщалось о переписке и встречах ивановских литераторов с Горьким и т. д.⁴². Конечно, здесь надо учитывать и то обстоятельство, что двое из сотрудников редакции — поэты Д. Семеновский и М. Артамонов — непосредственно общались с Горьким, находились в сфере его идейного и литературного влияния. Но роль Воронского как редактора в публикации «горьковских материалов» на страницах газеты также несомненна. Он безусловно поддерживал ориентацию местных литераторов на Горького, что выразилось, в частности, в заметке «Литературные новости», где говорилось в его адрес: «Мы приветствуем чудесную деятельность родного всем нам писателя...»⁴³.

Кроме указанных выше двух статей, Горькому Воронский посвятил первый раздел своих «Политических заметок», напечатанных в «Рабочем крае» 11 января 1921 г. Раздел озаглавлен «Русские белогвардейцы и Горький». Здесь критик сообщает о настоящем походе против Горького на страницах белогвардейской прессы. Ближайшим поводом для этого явились высказывания Г. Уэллса о Советской России, которые он сделал по возвращении в Англию и в которых он с большим сочувствием говорил о молодой советской республике. В этом белогвардейцы и эмигранты усмотрели пагубное влияние Горького и подвергли его всяческим поношениям вплоть до пожелания... скорейшей смерти. Воронский использует этот факт, чтобы разоблачить лицемерный и лживый характер разглашательствований врагов Советской власти о культуре и цивилизации. Их речи о культуре, пишет он, смешаются «эвериным нечленораздельным урчанием, диким и свирепым». Именно такой характер носили их статьи о Горьком.

Выступление Воронского против белогвардейской и эмигрантской прессы было систематическим на протяжении 1919—1921 гг. «Белогвардейская пресса (...), — замечает он в статье «Обреченные. (Из недавнего прошлого)», — была крайне неряшлива, не литературна, не интересна. Но главное не в этом. Главное в том, что, пробегая старые, помятые белогвардейские листки, чувствуешь, что нет самого важного — нет «изюминки», нет «души», того, что Чехов называл «богом живого человека». На одной ненависти к большевизму далеко не уедешь, и сама ненависть грота медного не стоит, если кроме этой ненависти, слепой и часто бессильной, — нет ничего за душой. А за душой-то и нет ничего. Царит расстерянность и неуверенность» (11 апреля 1920 г.).

Касаясь в своих острополемических обзорах тем, так или иначе связанных с литературой или отдельными писателями, критик использует литературный материал, чтобы с помощью его нагляднее и сильнее дискредитировать так называемое белое движение, действия буржуазных партий и их заправил. Он вскрывает бездарность белогвардейской «поэзии» («Из белогвардейских газет» — 15 января 1920 г.); выявляет объективный смысл публикуемых в белогвардейской печати предсмертного письма Л. Андреева («Обреченные» — 11 апреля 1920 г.) и статьи И. Бунина об эсерах («Из недавнего прошлого» — 29 марта 1921 г.), показывает ложную ситуацию, в которой оказался В. Короленко, опубликовав в «Южнорусском крае» политически беспомощную статью «Мысли о единой России» («Мы привыкли с величайшою любовью и благодарностью вспоминать автора «Сон Макара», «Без языка», «В дурном обществе» и т. д. Как попал он в это несомненно «дурное общество»?...» — «Обреченные» — 11 апреля 1920 г.).

Очень любопытна статья Воронского «Из одного дневника» (5 января 1921 г.). Она написана по материалам дневника жены Нестора Махно. Захваченный в бою, дневник был передан Воронскому М. В. Фрунзе во время встречи с ним на VIII съезде Советов в декабре 1920 г. Критик использовал его как «любопытный в бытовом отношении документ», в котором «изнутри показано разложение Махно и махновцев». Обильная цитация «ударных мест» дневника убедительно подтверждает это. Воронский великолепно умел заставить «говорить» документ в его чистом виде.

Статьи «Сказка о белом дьяволе» (4 февраля 1921 г.), «Почему они погибли. (Из недавнего прошлого)» (27 и 28 февраля 1921 г.) и «Пестрые заметки (Из белой прессы)» (29 ян-

ия 1921 г.) присланы Воронским в «Рабочий край» из Москвы. Они написаны на материале белоэмигрантских изданий: газеты «Общее дело» (Париж), книги Г. Н. Раковского «От Орла до Новороссийска», вышедшей в Константинополе в 1920 г., и возобновленной П. Б. Струве «Русской мысли». В это время Воронский был референтом В. И. Ленина и печатал в «Правде» обзоры литературы белой эмиграции. Аналогичные обзоры и рецензии публиковались им в журнале «Красная новь».

Ярким примером критики белоэмигрантской литературы являются «Пестрые заметки». В них Воронский едко иронизирует по поводу умилительных воспоминаний кн. Е. Н. Трубецкого, остроумно высмеивает такие образцы эмигрантских писаний, как дневник Зинаиды Гиппиус, который она вела в 1919 г. в Петрограде и который полон злобных записей о тех, кто «продался большевикам».

7

Из приведенного выше обзора статей, заметок и рецензий Воронского на литературные темы, напечатанных в «Рабочем крае», видно, что им охвачен большой круг материалов и проблем от Пушкина до современной русской литературы. Однако он не ограничивался только русской литературой. В его публицистических статьях встречаются ссылки на Ибсена, Анатоля Франса, Уитмена, Киплинга, Гауптмана и других иностранных писателей. В семи его статьях и рецензиях зарубежная литература освещается специально.

Как и явления русской литературы, он рассматривает произведения зарубежных авторов, позицию тех или иных писателей в свете задач, стоящих перед социалистической революцией. Он приветствует тех прогрессивных писателей, которые, подобно Р. Роллану и Г. Уэллсу, сочувственно отнеслись к Октябрю, к действиям Советской власти.

В статье «Советская власть и Ромен Роллан» (6 сентября 1918 г.) Воронский с радостью отмечает: «Телеграф принес известие, что французский писатель Ромен Роллан за Советскую власть. (...). Сочувствие Советской России со стороны таких людей, как Р. Роллан, является залогом того, что дело рабоче-крестьянского правительства — дело правое, дело всего, что есть культурного и человечного на земле». Он кратко знакомит читателей с Р. Ролланом и дает ему такую характеристику: «Это современная совесть Франции. Один из самых честных и чутких людей. Большой, умный, талантливый человек. К его голосу прислушивается вся демократическая Франция. Его перу принадлежат прекрасные книги о войне, написанные во время международной войны».

На выход в свет книги Г. Уэллса «Россия во мгле» (в переводе с английского, с предисловием кн. Н. С. Трубецкого, Российско-болгарское книгоиздательство, 1921) Воронский откликнулся большой статьей «Г. Д. Уэллс о Советской России», напечатанной в газете 30 июня и 1 июля 1921 г. (статья эта опубликована также в № 1 журнала «Красная новь» за 1921 г.). Отмечая «эклектизм» Уэллса, критик вместе с тем приводит из его книги пространные выдержки, из которых явствует, что писатель, побывав в России осенью 1920 г., «оказался достаточно умным и честным», чтобы нарисовать объективную картину положения в стране и сказать, что в России нет общественных сил, кроме большевиков, «способных справиться с катастрофой». Воронский блестяще использовал книгу Уэллса для полемики с белоэмигрантской прессой, признавшей ее вредной, для разъяснения политики ленинской партии и советского правительства.

Злободневное политическое событие — арест английскими империалистами великого индийского писателя Рабиндраната Тагора, обвиненного в содействии своим соотечественникам-революционерам, — послужило причиной написания статьи о нем «По поводу одного ареста» (1 октября 1918 г.). По определению Воронского, «Тагор — это Индия (...). Арест Тагора показал, как много горючего материала накопилось там». Вместе с тем этот арест критик рассматривает как символ того, что буржуазное общество изжило себя, неспособно ценить культуру, а «лучшие представители человечества отвертываются от этого загнившего общества и становятся в ряды протестантов и новаторов».

Статья о Тагоре примечательна, однако, не только своим публицистическим пафосом, своей актуальностью. В ней содержатся проникновенные, отмеченные тонким художественным вкусом замечания о некоторых сторонах его творчества.

«Тагор не просто талантливый поэт и художник. Тагор — пророк и величайший учитель жизни. Недаром в Индии время жизни и творчества Тагора называют эпохой Тагора.

Бессмертна прежде всего форма его произведений. Это — не стихи, это — молитвы-песни, псалмы великому безбрежному океану жизни. «Гитанджали» — жертвенные песнопения — так называется одна из книг индийского поэта-пророка.

Эти песнопения просты, как детский рассказ, как все истинно гениальное, ибо все гениальное — просто. Они бездонно глубоки, и потому они притягивают к себе и их не устаешь перечитывать в пятый, десятый, в двадцатый раз».

Две статьи Воронской посвятил Анри Барбюсу: «Дух войны» (11 мая 1919 г.) и «На одре страданий» (30 июня 1920 г.). В первой говорится о романе «В огне», во второй — о романе «Свет».

Назав романа «В огне» «превосходной книгой», «великолепной хроникой», критик ссылается на оценку этого произведения Горьким и весь анализ его ведет с таким расчетом, чтобы показать, как измученная масса французских солдат приходит к заключению: «Нужно убить самый дух войны»; «Надо победить не врагов, а войну. Нужно воевать с войной». Книга А. Барбюса, — замечает он, — написана в декабре 1915 г., в разгар войны. То, что мы выписали из нее, поистине является пророческими словами. Война против войны — этот лозунг становится теперь всеобщим среди народов».

Если роман «В огне» привлек Воронского своей ярко выраженной направленностью против империалистической войны, идеей мира, то в романе «Свет» он выделяет пафос гуманизма и интернационализма, рожденный «на одре страданий» первой мировой войны: «Человечество — вот новое слово истины, интернационализм как единственный выход из хаоса и безумия — вот итог итогов».

Сопоставляя два романа Барбюса, критик выявляет своеобразие того и другого. В центре первого стоит изображение массы и будней войны. В центре второго — «духовная эволюция, пережитая человеческой личностью в буре и грозе военных испытаний». При этом Воронский обращает внимание и на эволюцию героя, который от духовной разъединенности приходит к такой истине: «Понять жизнь и полюбить ее в каком-нибудь существе — вот задача человека и вот совершеннейшее его призвание». Свет откровения, перерождение героя ценой мучений, «общих миллионам людей», по мнению критика, являются для писателя порукой грядущего обновления мира.

В статье «На одре страданий» Воронский высказывает также суждение о некоторых особенностях дарования Барбюса: «У Барбюса большой силы изобразительный талант. Отличительная своеобразная черта этого таланта заключается в умении схватывать сразу многочисленные мелочи повседневной жизни. Иногда даже кажется, что эти детали загромождают основное, но в конце концов получается цельная и полная живая картина».

При рассмотрении зарубежной литературы Воронский-критик считал необходимым откликаться не только на то, что прямо и непосредственно связано с современностью, но и на то, что обращено к прошлому. Он написал статьи о двух исторических романах: «Боги жаждут» Анатоля Франса (статья под псевдонимом Вега «Об одном романе» — 20 декабря 1918 г.) и «Народный вождь Георг Енач» (в оригинале «Jürg Jenatsch» — 1878 г.) К. Ф. Майера (обширная рецензия в разделе «Библиография» 12 августа 1919 г.). Оба эти произведения не случайно заинтересовали его: в первом изображена Великая французская революция, во втором сюжет взят из эпохи борьбы швейцарского народа за свою независимость в период тридцатилетней войны (1618—1648 гг.).

Роман Майера был выпущен издательством «Колос» в 1919 г., в нем, по словам критика, автору «удалось создать свежий и новый художественный тип вождя — борца за свободу и независимость своего народа». Образ Георга Енача был близок советским людям, боровшимся в гражданскую войну за свободу и независимость рабоче-крестьянского государства. Вот почему Воронский в конце рецензии заявлял: «Роман Майера безусловно заслуживает самого широкого распространения. Так как частным лицам теперь не легко приобретать книги (...), то на помочь читателю должны прийти библиотеки, избы-читальни и т. д.».

Последнее обстоятельство наложило определенный отпечаток на характер рецензий и литературных заметок Воронского, опубликованных в «Рабочем крае»: в них большое место занимают пересказ сюжета, цитация. Критик стремился как можно обстоятельнее, подробнее ознакомить читателей с содержанием произведений. При этом он акцентировал определенные моменты, особенно актуальные с его точки зрения, сопровождал изложение и цитаты публицистическими комментариями. По данной методике написаны многие его статьи, заметки, рецензии на литературные темы (да и не только на литературные). Пе-

А. К. ВОРОНСКИЙ СРЕДИ ИВАНОВЦЕВ — ДЕЛЕГАТОВ VIII ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

В первом ряду — Д. А. Фурманов (первый слева), М. В. Фрунзе (третий слева). В третьем ряду — А. К. Воронский (второй слева)

Фотография. Москва, 1920

Ивановский объединенный историко-революционный музей

рассказ, цитация и публицистические пояснения занимают особенно большое место, когда речь идет о произведениях зарубежной литературы. Например, разбирая роман А. Франса «Боги жаждут», Воронский подробно останавливается на картинах французской революции и «революционных переживаниях» главного героя Гамелена с тем, чтобы вызвать у читателя определенные ассоциации, а приведя рассуждения Гамелена о необходимости «святой гильотины», пишет: «Не найдут ли отклика в своей душе многие революционеры наших дней на это исповедание революции якобинца-энтузиаста, когда Дон и Кубань играют роль русской Вандеи, в Уфу прибывают эшелоны зуавов, а в Севастополь высаживаются новозеландские дилизии?»⁴⁴

Умение связать литературный материал с злободневными вопросами жизни и политики, использование его в целях полемики и борьбы с идеяными врагами — характерные черты всех критических выступлений Воронского на страницах «Рабочего края». Его статьи и рецензии о зарубежной литературе в этом отношении не являются исключением.

8

В заключение нашего исследования о Воронском в газете «Рабочий край» нельзя не коснуться таких вопросов: какие отношения сложились у него с литераторами-ивановцами; какую роль он играл в развитии литературы края, в деятельности кружка поэтов, сгруппировавшихся вокруг газеты; какое значение имела его редакторская и литературная работа в «Рабочем крае» для последующей работы в журнале «Красная новь»?

В историко-литературных трудах, посвященных первым годам революции, часто цитируется записка В. И. Ленина библиотекарю Кремля:

«Прошу достать (комплект) «Рабочий край» в Ив.-Вознесенске.
(Кружок настоящих пролетарских поэтов).

Хвалит Горький

{ Жижин
Артамонов
Семеновский»⁴⁵.

Записка эта, свидетельствующая о значительности творчества ивановских поэтов, была написана Владимиром Ильичем 28 января 1921 г. после встречи и беседы с Горьким. Горький о деятельности кружка информировал главным образом поэт Д. Н. Семеновский, который находился с ним в систематической переписке и неоднократно встречался⁴⁶. Горькому посыпались стихи ивановских поэтов, отдельные номера газеты «Рабочий край», литературно-художественные сборники, выходившие в Иваново-Вознесенске.

В кружок поэтов при «Рабочем крае» входило около 25 человек. Преимущественно это были молодые рабочие, деревенские парни, бывшие солдаты, красноармейцы, «кухаркины дети», а также выходцы из среды демократической интеллигенции. Некоторые из поэтов писали и печатались еще до Октябрьской революции. Авенир Евстигнеевич Ноздрин — один из зачинателей пролетарской поэзии, активный участник революционного рабочего движения, председатель первого общегородского Совета рабочих депутатов, созданного в Иваново-Вознесенске в 1905 г.; Михаил Дмитриевич Артамонов — издатель журнала «Дым» (1913—1914 гг., Иваново-Вознесенск), поэт-«правдист», участник первого и второго «Сборника пролетарских писателей», вышедших под редакцией Горького; Дмитрий Николаевич Семеновский — автор многих стихотворений, публиковавшихся в демократических изданиях, в том числе в журнале «Просвещение», в газете «Правда»; Александр Дмитриевич Сумароков — поэт, общавшийся с Блоком; Василий Алексеевич Смирнов — старый партиец и журналист; Иван Ипатьевич Жижин также имел некоторый литературный опыт (живя в 1914—1917 гг. в Петрограде, посещал литературные кружки, печатался); Николай Иванович Колоколов, как и Д. Н. Семеновский, учась в университете Шанявского, дружил с С. Есениным, публиковал свои стихи в небольших журналах; печатался до революции и Николай Павлович Смирнов. Но большинство поэтов, объединившихся вокруг «Рабочего края», были начинающими. Из них следует назвать талантливого поэта-пастуха Сергея Семина, дочь школьного сторожа Анну Баркову, комсомольского работника Серафима Огурцова, Александра Тимонина, Федора Дмитриева, Сергея Селянина, Александра Рязанова⁴⁷.

Все поэты «Рабочего края» — и начинающие, и более или менее опытные — с Октябрьской революцией переживали творческую весну, состояние эмоционального подъема. Это находило прямое выражение в их произведениях, которые охотно печатались в газете. По словам М. Артамонова, Воронский как редактор любил «живой, яркий, не казенный материал», поэтому в каждом номере шли «стихи и беллетристика или, по крайней мере, фельетон и наброски»⁴⁸.

Существенное значение имело то обстоятельство, что в аппарате редакции «Рабочего края» с 1920 г. трудилось шесть поэтов: Д. Семеновский, М. Артамонов, И. Жижин, А. Ноздрин, С. Селянин, А. Баркова. По словам С. Селянина, редактор часто обращался к поэтам с предложением давать стихи для очередного номера, а правили поэты материал так, что в газете «не было места сухим, казенным заметкам <...>. Каждая заметка была литературной, рисовала живую картину»⁴⁹. Все это, как и многие статьи самого Воронского, придавало газете «Рабочий край» «литературный уклон», хотя, конечно же, в первую очередь она оставалась газетой общественно-политической.

Д. Н. Семеновский в дружеских беседах с автором настоящей статьи не раз вспоминал об участливом отношении Воронского к творчеству поэтов-ивановцев. Он подчеркивал, что редактор предоставлял возможность публиковать стихи на разные темы, не обязательно так называемые «газетные». Бывало, что в его отсутствие печатались и довольно слабые вещи. «В этом случае, — говорил Дмитрий Николаевич, — редактор собирали нас, редакционных поэтов, и укоризненно выговаривал. Но никогда не „распекал“».

В требованиях, предъявляемых Воронским к художественным произведениям, Семеновский отмечал проявления высокой культуры и вкуса, а общее его направление в воспитании молодых поэтов считал исключительно плодотворным. Вспоминая тяжелые и героические годы гражданской войны, он писал: «Не до литературы, казалось, было в те дни <...>. В это время голода, холода, разрухи ивановский писательский молодняк, поднявшийся из рабоче-крестьянских низов, черпал силы в художественном творчестве, грелся в творческой среде общих литературных интересов.

К «Рабочему краю» упрямо потянулись писатели-самоучки с новым мировоззрением, часто малограмотные, но почти всегда талантливые <...>.

Под умелым и опытным руководством тогдашнего редактора «Рабочего края» А. К. Воронского, писателя с прекрасным литературным вкусом, молодежь сокнулась в крепкое литературное ядро⁵⁰.

Воронским много было сделано для объединения и творческого роста местных поэтов. На страницах газеты были введены рубрики «Пролетарские поэты» и «Поэты «Рабочего края», где поэты могли регулярно печататься. В заметках под названием «Литературная хроника», «Литературные новости» газета широко информировала о литературных событиях в стране, о выходе новых книг; журналов. Хорошо был наложен отдел библиографии. Статьи редактора и других авторов ориентировали и направляли творчество поэтов в определенное идеально-художественное русло. В помощь начинающим пролетарским поэтам была напечатана серия статей Д. Семеновского, знакомящая с понятиями образа, ритма, размера, звуковой организации стиха. «Литературная учеба» осуществлялась и на «литературных вторниках», во время обсуждения произведений. «Одно время, — сообщает Д. Н. Семеновский, — «литературные вторники» рабкраевцев были самым настоящим, образцово-показательным литературным клубом, который привлекал много гостей. На таких собраниях поэты читали стихи, беллетристы — рассказы, после обсуждали прочитанное, молодо и горячо спорили»⁵¹.

Кружок поэтов и писателей «Рабочего края» не был изолирован от «большой» литературы. Преодоление узкопровинциального подхода к литературе достигалось различными путями. Во-первых, на страницах самой газеты — и прежде всего в статьях Воронского — ставились и обсуждались проблемы, имеющие магистральное значение для всей формирующейся советской литературы (отношение к классическому наследству, литература и революция, вопрос о пролетарской литературе и др.). Во-вторых, в «Рабочем крае» публиковались не только произведения местных авторов, а и таких, как М. Горький, А. Серавимович, С. Подьячев, Д. Бедный, В. Маяковский, С. Есенин, Р. Ивнев, С. Городецкий, печатались пролетарские поэты А. Гастев, Л. Котомка, А. Белозеров, Я. Коробов, Я. Бердников и др. В-третьих, с произведениями ивановцев знакомились и давали этим произведениям оценку такие выдающиеся художники слова и критики, как М. Горький (отзывы о Семеновском, Артамонове, Жижине, Семине и др.), А. Блок (отзывы о Семеновском, Колоколове, Барковой, Сумарокове), А. Луначарский (рекомендовал к изданию книги стихов М. Артамонова «Земля родная» — 1919 г. и А. Барковой «Женщина» — 1922 г.; написал предисловие к сборнику Барковой, переписывался с ней), В. Брюсов (отзыв о Барковой). Все это не могло не оказываться благоприятно на идеально-художественном развитии участников кружка.

Важно отметить и такую особенность в жизни кружка — включение поэтов в активную общественную деятельность, что происходило также не без воздействия редактора. «Кружок «Рабочего края», — отмечает Д. Семеновский, — всегда принимал самое живое участие во всех политических кампаниях города. Писатели выступали со своими произведениями на митингах, публичных лекциях, в рабочих клубах, в красноармейских театрах...»⁵².

Несмотря на занятость партийными, государственными и редакторскими делами, Воронский уделял внимание и местным литераторам. Иногда он выступал вместе с ними. Так, 26 февраля 1919 г. в анонимной статье «Литературные заметки» сообщалось: «По инициативе редактора «Рабочего края» А. К. Воронского местными журналистами при содействии Пролеткульта предполагается устройство «Вечера поэзии», на котором выступят местные поэты и литераторы». Вечер состоялся 6 апреля. О нем 9 апреля появилась в газете информационная заметка, в которой, кстати, отмечалось: «Первое отделение составляла речь А. К. Воронского о русской литературе в целом и в частности о новом течении ее — пролетарском творчестве».

При Воронском начато было издание в Иваново-Вознесенске литературно-художественных сборников. Мы не склонны приписывать это только инициативе и деятельности редактора «Рабочего края», однако совершенно очевидно, что он оказывал этому содействие, в особенности в преодолении трудностей, связанных с типографией и нехваткой бумаги⁵³.

Первый сборник, «Крылья свободы», вышел (с подзаголовком «Советский песенник и декламатор») в октябре 1919 г. тиражом 20 000 экземпляров. Составители «с одной стороны, старались дать вообще сборник стихов в революционном духе, пригодный для декламации на вечерах культурно-просветительских кружков, и, с другой стороны, считали

не менее важным выявить творческий облик местных иваново-вознесенских поэтов, в преобладающем большинстве выдвинувшихся из рабочей или крестьянской среды»⁵⁴. А. В. Луначарский, внимательно следивший за ивановскими поэтами и помогавший им, одобрительно отзывался о выходе сборника «Крылья свободы» в статье «Новая поэзия» («Известия», 27 ноября 1919 г.)⁵⁵.

Во втором сборнике, названном «Красная улица» (1920), издатели, опираясь на «моральную поддержку» Луначарского, решили «продолжить опыт» предыдущего сборника, но отдали страницы «Красной улицы» «исключительно поэтам местного края, группирующимся вокруг иваново-вознесенской газеты «Рабочий край»⁵⁶.

В третьем сборнике, «Сноп» (1920), напечатаны были не только стихи, но и рассказы. Выпущен он Иваново-Вознесенским отделением Государственного издательства и был посвящен третьей годовщине Октябрьской революции. Воронский принимал участие в этом сборнике и как издатель (книга издана Иваново-Вознесенским отделением Госиздата; во главе отделения, как говорилось выше, стоял А. К. Воронский) и как автор. Его перу принадлежат два этюда: «За осажденный лагерь» — о героической борьбе за революцию и Советскую власть, и «В те дни» — об Октябрьских днях в Петрограде 1917 г.; оба они написаны в стиле художественного эссе.

Вслед за этими тремя сборниками в 1921—1922 гг. в Иваново-Вознесенске вышло еще несколько сборников и альманахов: «Взмах», «Живописное слово», «Начало», «Коробейник», которые свидетельствовали о творческой активности ивановских литераторов.

Надо отметить, что на страницах ивановских сборников появляются стихотворения с посвящением А. К. Воронскому: в сборнике «Сноп» — стихотворение И. Жижина «Строитель», в сборнике «Взмах» — стихотворение Д. Семеновского «Любовью» (первично напечатано в газете «Рабочий край» 21 января 1921 г.). А в произведении И. Жижина «Венок» (сб. «Сноп»), где даны стихотворные портреты ивановских литераторов, второе стихотворение озаглавлено «А. Воронский» и звучит так:

Высокий лоб и взгляд такой холодный,
Но кровью звездной сердце влито в мозг.
В душе — вся скорбь и горький плач народный
Любовью солнечной расплавлены, как воск.
Политик и поэт, строитель и философ,
Он вечно замкинут, волей тверд и смел,
И кажется, что нет таких утесов,
Где бы он о судьбах Руси не скорбел.

Стихотворные посвящения Воронскому — дань несомненного уважения и благодарности ему за все, что он сделал для ивановских литераторов во время пребывания на посту редактора «Рабочего края»⁵⁷.

В свою очередь, Воронский не забывал литераторов-ивановцев. В журнале «Красная новь», в статье «Песни северного рабочего края» (1921, № 2) он дал обстоятельный разбор их творчества, используя главным образом материал сборников «Крылья свободы», «Красная улица» и «Сноп». В первые годы существования журнала в нем были напечатаны произведения Д. Семеновского, Н. Колоколова, М. Артамонова, А. Барковой, С. Огурцова, Н. Смирнова, рецензировались книги стихов А. Барковой «Женщина» и Д. Семеновского «Благовещание».

Воронский был немало обязан иваново-вознесенским писателям и поэтам. Их творческая активность, художественные искания, революционный энтузиазм, искренность в выражении нового мироощущения укрепляли его в мысли о том, что новая литература рождается. Не случайно в статье «Песни северного рабочего края» критик писал о поэтах-ивановцах: «Это подлинный рабоче-крестьянский демос. (...) Это большой поэтический выводок, вскормленный полями, рабочей околодой и гулом фабрик. Факт примечательный, о котором нужно знать всей мыслящей Советской России».

Он свидетельствует еще раз, что в нашем народе, в недрах его таятся большие духовные богатства и что не напрасны наши надежды, что на смену литературе старых господствовавших классов трудящиеся смогут выдвинуть своих поэтов, романистов, художников...»⁵⁸.

Последнюю мысль Воронский выразил несколько позднее и в письме к В. И. Ленину от 21 апреля 1922 г.: «Таланты из низов прямо прут — им только надо дать ходу и организовать идею»⁵⁹.

Не исключена вероятность, что статья критика «Песни северного рабочего края» явилась своего рода откликом на беседу Ленина и Горького о «кружке настоящих пролетарских поэтов» при газете «Рабочий край». Кому, как не Воронскому, близко зналому этих поэтов, было поведать о них, о их творчестве в только что начавшем выходить первом советском «толстом» литературно-художественном журнале, редактировать который поручил Воронскому Ленин.

Сама мысль «испробовать силы» на «толстом» журнале пришла Воронскому еще в Иваново-Вознесенске, когда он редактировал газету «Рабочий край». Об этом он недвусмысленно говорит в своих воспоминаниях о Горьком⁶⁰. Безусловно, опыт руководства губернской газетой в течение двух с половиной лет, активная работа в это время в качестве не только редактора, но и литературного критика «подготавливали» его к будущей роли руководителя журнала «Красная новь» и весьма пригодились ему во время работы на этом посту. Характерно, что некоторые свои статьи в первых номерах «Красной нови» он печатал под теми же рубриками, что и в «Рабочем крае», — «Литературные заметки», «Из белой прессы». Статья «Из современных литературных настроений» (1921, № 3) частично повторяет материал, использованный критиком в статьях «Долой разум!» и «Цивилизаторы», опубликованных в иваново-вознесенской газете. Критическое обозрение белоэмигрантской литературы, которое делали в журнале разные авторы, в том числе и сам Воронский, было начато им еще во время работы в «Рабочем крае»⁶¹.

Хотелось бы здесь отметить такое обстоятельство: идея о новом литературно-художественном журнале довольно широко обсуждалась в литературных кругах Иваново-Вознесенска. Еще в конце 1918 г. ивановские литераторы обратились к Горькому с открытым письмом, в котором приветствовали его огромную работу по строительству новой культуры и писали о необходимости издавать «хороший, живой литературно-художественный журнал, который бы объединил все передовые творческие силы страны» («положить начало такому журналу» они просили самого Горького). Письмо это было опубликовано в «Рабочем крае» 14 декабря 1918 г. Авторами его, как видно из архивных источников, были М. Артамонов и Д. Семеновский⁶². О замысле издавать в Иванове литературно-художественный журнал под названием «Светлая явь» сообщается в статье И. Жижина «Первый журнал» («Рабочий край», 27 ноября 1920 г.). С просьбой о сотрудничестве предполагалось обратиться к М. Горькому, А. Блоку и ряду других видных писателей. С изданием журнала тогда ничего не получилось. Но сама идея нового журнала, который бы собрал литературные силы страны и создал соответствующую литературную среду, как говорится, «носилась в воздухе». Заслуга Воронского заключалась в том, что он первым встал на путь ее практической реализации. Он обратился к В. И. Ленину, и его инициатива получила одобрение вождя: редактором «Красной нови» стал А. К. Воронский, а А. М. Горький возглавил литературно-художественный отдел журнала.

История организации журнала «Красная новь» освещена в воспоминаниях Воронского⁶³ и в ряде исследований по истории советской журналистики и литературы⁶⁴. В данном случае нам хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. А. К. Воронский был известен В. И. Ленину не только как участник Пражской партийной конференции и не только из рассказов о нем сестры Марии Ильиничны Ульяновой, которая хорошо знала его по совместной революционной работе в Саратове. В. И. Ленин знал Воронского и как редактора «Рабочего края», и как публициста, и как ответственного партийного работника в Иваново-Вознесенске. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма хранятся два письма Воронского к Ленину, написанные им в период, когда он был редактором «Рабочего края», — в ноябре 1919 г. и 26 сентября 1920 г. Излагая содержание этих писем и публикую письмо от 21 апреля 1922 г., И. Смирнов пишет: «О Воронском Ленин был высокого мнения, считал его старым, надежнейшим партийцем. Именно этими словами он охарактеризовал А. К. Воронского, направляя его ноябрьское письмо 1919 года в военное ведомство»⁶⁵.

Таким образом, выдвигая кандидатуру Воронского на пост редактора «Красной нови», В. И. Ленин несомненно учтивал его успешную литературно-редакторскую, партийную и государственную деятельность в Иваново-Вознесенске.

Издание журнала «Красная новь» было событием в культурной жизни страны, имело большое значение для развития советской литературы.

Небезынтересно отметить, что первые номера журнала подверглись обстоятельно-му и сочувственному рецензированию в иваново-вознесенской печати: в газете «Рабочий край» (12 июля и 5 октября 1921 г.), в альманахе «Начало», № 1, 1921 (рецензия С. Селянина), № 2-3, 1922 (рецензия Д. Фурманова). Кроме того, в «Рабочем крае» публиковались некоторые материалы, которые шли в «Красной нови» (статьи А. Воронского, статья Н. Л. Мещерякова «Наши за границей»). Особое значение имеет статья Воронского по поводу работы В. И. Ленина «О продовольственном налоге». Между прочим, Воронский писал в ней:

«На днях редакция художественно-научного журнала Главполитпросвета «Красная новь» издает отдельным оттиском статью т. Ленина «О продовольственном налоге», написанную им для первого номера журнала, находящегося в наборе. Статья в два печатных листа посвящена самым злободневным вопросам текущей внутренней политики, и имя автора говорит само за себя.

〈...〉 пользуясь корректурным оттиском, мы постараемся познакомить читателя «Рабочего края» с наиболее интересными местами статьи тов. Ленина. При этом недостаток места заставляет нас воздержаться от тех или иных замечаний».

Дальше идет изложение статьи, обширная цитация, привлечение других работ Ленина («Грозящая катастрофа и как с ней бороться»). Приводим то место статьи Воронского, где высказывается оценка работы В. И. Ленина:

«Статья тов. Ленина читается с глубочайшим вниманием. Не только потому, что она написана по самым животрепещущим вопросам нашей внутренней политики человеком, который без всякого преувеличения может быть назван творцом этой политики. Статья тов. Ленина привлекает к себе внимание также благодаря мастерскому подходу к этим вопросам с точки зрения марксистской диалектики. 〈...〉. Это — образец марксистского подхода к сложным явлениям советской действительности. Бесспорные мысли соединяются с практической дальновидностью и осторожностью. Отдельные явления хозяйственной деятельности поставлены на свои места, оценены и осмыслены с точки зрения торжества коммунизма их роль и значение» (5 мая 1921 г.).

Рецензирование отдельных номеров «Красной нови», перепечатка публикуемых в ней материалов были формой популяризации и поддержки журнала, свидетельством прочных, близких и заинтересованных контактов между газетой «Рабочий край» и ивановскими литераторами — с одной стороны и А. К. Воронским — с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «На стыке». М.— П. ГИЗ, 1923; «Искусство как познание жизни и современность». Ив.-Вознесенск, «Основа», 1924; «Искусство и жизнь». М.— П., «Круг», 1924; «Об искусстве». М., «Правда», 1925; «Литературные типы». М., «Круг», 1926; «Литературные записи». М., «Круг», 1926; «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна». М., «Круг», 1927; «Искусство видеть мир». М., «Круг», 1928; «Литературные портреты». В 2-х томах. М., «Федерация», 1928—1929.

² См.: А. Д е м е н т' е в. А. Воронский — критик.— В кн.: А. Д е м е н т' е в. На новом этапе. Статьи о литературе. М., «Сов. писатель», 1965; Очерки истории русской советской журналистики. 1917—1932. М., «Наука», 1966; В. П. Р а к о в. Вопросы творческой индивидуальности писателя в работах А. К. Воронского.— В кн.: «Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы». М., 1969; С. Ш е ш у к о в. Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., «Московский рабочий», 1970; А. А. Р е в я к и н а. Вопросы специфики художественного творчества в литературной критике 20-х годов и теория «непосредственных впечатлений» А. К. Воронского.— В кн.: «Литературные направления и стили». Изд-во Москов. ун-та, 1976; Gabriela P o g e b i n a. Aleksander W oron-ski. Poglądy estetyczne i krytyczno-literackie (1921—1928). Wrocław, 1964. (Prace Komisji Słowianoznawstwa PAN (Kraków), N 6); Robert A. M a g u i r e. Red Virgin Soil Soviet literature in the 1920's. Princeton New Jersey, Princeton university press, 1968. (Studies of the russian institute Columbia university) и др.

³ О. С е м е н о в с к и й. В начале века. Из истории дооктябрьской марксистской литературной критики. Кишинев, «Картия молдовенянска», 1971, с. 310.

⁴ Письмо Воронского к А. М. Горькому от 16 июня 1926 г.— Архив Горького, т. X, кн. 2, с. 35.

⁵ См. А. В о р о н с к и й. Избранное. М., «Художественная литература», 1976, с. 464—465, 591—598 и др.

⁶ «Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь», т. 5, ч. 2. М., 1933, стб. 1029. Сотрудничество Воронского в этих газетах не стало еще предметом изучения, хотя, например в «Известиях» он неоднократно печатался (сообщено О. В. Семеновским); много статей напечатано также в газетах «Голос пролетария» и «Солдатская мысль» (сообщено Г. А. Воронской).

⁷ И. Овсянников. Соратники и друзья.— «Тамбовская правда», 1977, № 105, 5 мая. Между прочим, Е. Д. Стасова, хорошо знавшая Воронского, высоко ценила его и на вопрос об издании его работ так писала 24 июня 1957 г. в Комиссию по литературному наследию критика: «Нет у меня никаких пожеланий относительно издания сочинений А. К. Воронского, кроме одного, чтобы сочинения его были бы изданы возможно полнее, если нельзя сделать, чтобы было издано все написанное им» (письмо Е. Д. Стасовой хранится в семейном архиве Г. А. Воронской).

⁸ Подпись А. К. Воронского как редактора «Рабочего края» появляется лишь 31 августа 1920 г. До этого газета не подписывалась. Очевидно этим объясняется ошибка Н. В. Копеина, отнесшего начало работы Воронского редактором «Рабочего края» к 1920 г. (Н. Копеин. Газетные страницы рассказывают (Из истории партийной печати Ивановской области). Ивановское кн. изд., 1959, с. 40—41). В книге «1918 год в Иваново-Вознесенской губернии. Хроника событий» (Ив.-Вознесенск, Испарт обкома ВКП(б), 1930, с. 269, 271) отмечается, что на четвертом губернском съезде Советов, проходившем 6—8 сентября 1918 г., А. К. Воронский избран членом Иваново-Вознесенского губисполкома; тогда же, 8 сентября, бюро окружкома РКП(б) рекомендовало утвердить его редактором губернской газеты. Однако это не означает, что до сентября Воронский не был редактором «Рабочего края».

⁹ Мих. Артамонов. Первые годы «Рабочего края».— «Рабочий край», 1928, № 101, 5 мая.

¹⁰ Партийный архив Ивановского обкома КПСС (далее обозначается: ПАИО), ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 5, 24, 42; ф. 2, оп. 2, д. 6, 7.

¹¹ Так, из программы курсов по внешкольному образованию, которые возглавлял Д. А. Фурманов, видно, что А. К. Воронский читал там лекции по истории социализма (Рукописн. отдел ИМЛИ, II. 62.1347). Фурманов и Воронский в это время близко знали друг друга, постоянно общались на заседаниях губкома партии и губисполкома (частично об этом см.: П. В. Куприяновский и Л. А. Розанова. Д. А. Фурманов — секретарь губкома. — В кн.: «Дмитрий Андреевич Фурманов. (Сб. статей и материалов)». Иваново, 1971 («Уч. зап. Иванов. пед. ин-та», т. 74). Не лишне в связи с этим отметить такой факт. 15 марта 1919 г. Воронский поместил в «Рабочем крае» (№ 59) статью «О выгодах», которая в значительной своей части посвящена защите Фурманова от клеветы на него. В статье Воронский пишет, что вступление в Коммунистическую партию бывших эсеров, меньшевиков, анархистов и т. д. враги Советской власти использовали для дискредитации партии и этих людей («перекинулись из шкурных интересов»). «На одном из собраний [...] особенно сильно досталось Фурманову, бывшему анархисту. Между тем, как обстояло дело с ним? Тов. Фурманов до вступления в партию был помощником заведующего губернским отделом просвещения. Его «благополучию» ничто не угрожало. Во дни ярославского мятежа Фурманов решил вступить в партию коммунистов и мобилизовался вместе с другими коммунистами... Всякому немного добросовестному человеку известно, что вступить в партию коммунистов, когда чехи взяли Казань, шли на Нижний, когда в Ярославле сидели белогвардейцы, — вступить в партию в эти дни из-за каких-то выгод — смешно и нелепо.

Как известно, вступление в партию влечет за собой полное подчинение партийной дисциплине. В отношении т. Фурманова с партийной дисциплиной дело обстоит так: он отправлен в приют и назначен комиссаром бригады, находящейся в действии против противника. Хорошая «выгода»?.

¹² ПАИО, ф. 2, оп. 3, д. 6, л. 41.

¹³ В 1921 г. из Москвы Воронский присыпал в газету 7 статей. В сборниках были напечатаны следующие его статьи: «М. Горький», «Песни северного рабочего края», «Перегруппировка сил». — Литературно-художественный и публицистический альманах «Начало», 1921, № 1; «Иностранные делегаты в Иваново-Вознесенске». — «Иваново-Вознесенский губернский ежегодник (календарь-справочник) на 1921 год». Иваново-Вознесенск, 1921, с. 62—69. (О посещении Иванова Серрати, Ж. Садулем, М. Кашеном, К. Цеткин и другими представителями рабочих организаций, социалистических и коммунистических партий.)

¹⁴ Письмо Г. А. Воронской от 20 мая 1966 г. к автору настоящей работы.

¹⁵ См. статьи А. Воронского «Красная губерния» («Рабочий край», 1919, № 296, 28 декабря), «Песни северного рабочего края» («Красная новь», 1921, № 2), «Рабочему краю» («Рабочий край», 1926, № 31, 7 февраля).

¹⁶ «Помню наши встречи в губкоме. 20—30 работников почти ежедневно собирались вечером у Ольги Афанасьевны Варенцовой (секретаря губкома) и обсуждали политические события. Главным руководителем этого «кружка» был Воронский. Какие только вопросы здесь не всплывали. Каждому из них Воронский подходил особенно, так сказать, индивидуально, каждого сумел он вызвать на разговор, на его любимую тему, из каждого извлекал он то, что ему нужно было для руководства газетой» (Г. Бейчек. Из странички прошлого. — «Рабочий край», 1926, № 33, 10 февраля).

¹⁷ С. и С. (Д. Семеновский и С. Селянина). По пути к массовой. (Этапы

«Рабочего края»). — «Рабочий край», 1926, № 31, 7 февраля. См. также другое свидетельство, в котором утверждается, что газета «Рабочий край» «заметно оживилась», когда в качестве редактора прибыл А. Воронский, и дается характеристика Воронского-редактора (И. Майоров. Иваново-вознесенские газеты. (Отрывки воспоминаний за 7 лет). — «Рабочий край», 1924, № 202, 5 сентября).

¹⁸ Г. Бейчек. Из странички прошлого. — «Рабочий край», 1926, № 33, 10 февраля.

¹⁹ Письмо в Государственное издательство комиссару по распределению бумаги от 20 января 1920 г. Опубликовано в статье Е. Динерштейна «Комментарий к ленинской записке». — ВЛ, 1970, № 3, с. 246.

²⁰ И. Любимов. Возникновение рабочей печати в Ив.-Вознесенске. — «Рабочий край», 1926, № 31, 7 февраля.

²¹ «Правда», 1918, № 263, 4 декабря.

²² ВЛ, 1970, № 3, с. 246.

²³ А. Воронский. Рабочему краю. — «Рабочий край», 1926, № 31, 7 февраля.

²⁴ См.: «А. К. Воронский в иваново-вознесенской печати (1918—1926). Библиографический указатель». (Сост. П. В. Куприяновский). Иваново, 1979. (Ивановский гос. уч-т).

²⁵ Тогда же, в 1920 г., в Иваново-Вознесенске вышла отдельным изданием брошюра А. Воронского «В. И. Ульянов (Ленин). (К пятидесятилетию со дня рождения)». Это была одна из первых книг о В. И. Ленине, написанных и изданных в советское время. Экземпляр этой книги имелся в кремлевской библиотеке вождя (см.: «Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог книг», М., Всесоюз. кн. палата, 1961, с. 122). Кстати, имелась в библиотеке также и книга Воронского «На стыке» (там же, с. 481), в которую вошли некоторые его статьи, публиковавшиеся в газете «Рабочий край»: «Г. В. Плеханов (1918—1920 гг.)», «Г. Уэллс о Советской России», «Из одного дневника».

²⁶ И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 4. М., Всесоюз. кн. палата, 1960, с. 114. Псевдоним Нурмин, по свидетельству Г. А. Воронской, происходит от названия станции Нурма в Финляндии, где Воронский однажды жил.

²⁷ А. Дементьев. На новом этапе, с. 343.

²⁸ Правда, в 1919—1921 гг. в «Рабочем крае» появлялись за подпись В. Г. статьи на юридическую тему — они принадлежали юристу В. А. Гуськову и резко отличались по стилю от тех статей, которые мы приписываем Воронскому.

²⁹ С 3 февраля 1920 г. передовые статьи подписывал главным образом В. А. Смирнов, иногда П. Заславский. В марте в «Рабочем крае» печатались «Письма с Украины» А. Воронского (№ 52, 54, 58, 61 за 6, 9, 14 и 18 марта). В апреле Воронский присутствовал на Всероссийской партийной конференции и IX съезде партии, был занят подготовкой к 50-летнему юбилею В. И. Ленина. 5 мая 1920 г. (№ 96) в газете появляется сообщение «В редакции» следующего содержания: «4-го сего мая приступил к редактированию газеты «Рабочий край» тов. А. К. Воронский».

Начиная с июля 1920 г. и кончая началом января 1921 г. количество статей Воронского в «Рабочем крае» резко уменьшилось (в среднем по 8 статей в месяц). Статьи стали более пространными и подписывались как правило А. Воронский, изредка — А. В., лишь дважды — Нурмин (маленький фельетон «Совещание» — № 151, 10 июля 1920 г. и статья «Клара Петкин» — № 236, 19 октября 1920 г.). Псевдонимы Глинский, В. Г. и Н. не встречаются. В этот период Воронский не раз уезжал из Иванова. Так, в июле и августе некоторые передовые подписаны: В. Сокол; 12 сентября — 4 октября и 19—31 декабря редактором газеты значится Вас. Смирнов.

³⁰ См. в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова фамилии: Артамонов М. Д., Ноздрин А. Е., Семеновский Д. Н., Жижин И. И., Колоколов Н. И., Баркова А. А., Коробов Я. Е., Селянин С. А., Майоров И. А., Огурцов С. А., Тимонин А., Дмитриев Ф. и др. Как явствует из материалов И. Ф. Масанова, хранящихся в ЦГАЛИ (ф. 317), он переписывался с А. Е. Ноздриным, который сообщил ему свои псевдонимы и псевдонимы других литераторов — активных сотрудников газеты. Писатель и критик Николай Павлович Смирнов, часто печатавшийся в «Рабочем крае» при А. К. Воронском, сообщил псевдонимы автору настоящей статьи (среди них нет псевдонимов, которые мы приписываем Воронскому).

³¹ Ввиду того, что статьи А. К. Воронского, опубликованные в «Рабочем крае», неизвестны и мало доступны, мы считаем необходимым простиранно их цитировать и излагать. Ссылки на них даются в тексте.

³² Разрядка Воронского. В дальнейшем подчеркивания, принадлежащие авторам цитат, специально не оговариваются.

³³ Г. Рогебина. Op. cit., s. 144.

³⁴ Ср. также: А. Воронский. По поводу одного слуха. — «Рабочий край», 1920, № 168, 31 июля.

³⁵ О А. И. Куприне в статьях Воронского, помещенных в «Рабочем крае», нет развернутых суждений. В целом он говорит о нем в контексте «отошедшой» литературы, что не исключает положительной оценки некоторых сторон его творчества и его отдельных произведений. Например, публицистическая статья «Народ, революция и интеллигенция» (28 июня 1918 г., № 91, подпись: В.) начинается словами: «У Куприна есть прекрасная легенда». И далее пересказывается легенда о мужественном народе,

который поклонялся будто бы живой прекрасной женщине — богине смерти, оказавшейся на самом деле безобразной старухой. Воронский обращается здесь к рассказу легенде «Аль-Исса» (1894).

³⁶ См.: Вл. Орлов. Поэма Александра Блока «Двенадцать». Страница из истории советской литературы. Изд. 2-е, доп. М., «Художественная литература», 1967, с. 150—195.

³⁷ При характеристике этой психики Воронский опирается на высказывание героя «Железной пяты» Д. Лондона — вожака рабочих Эвергарда, который говорит ученым старого общества: «Вы анархисты в области мысли. И все вы безумные создатели особых миров. Каждый из вас живет в своем мире, который он создал по своему собственному желанию и представлению». Позднее на это высказывание Воронский будет ссылаться, выступая против субъективизма в литературе (А. Воронский. Искусство как познание жизни и современность.— КН, 1923, № 5, с. 351).

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 195.

³⁹ О статьях Воронского, посвященных Горькому (опубликованы в 1911 году в «Европейских новостях» и одесской газете «Ясная заря»), см.: О. Семеновский. В начале века, с. 294—300.

⁴⁰ Статья эта была написана Воронским под впечатлением встречи с Лениным, Горьким и Крупской по поводу основания журнала «Красная новь» и сразу же послана в «Рабочий край». Поскольку она опубликована там 13 февраля 1921 г., следует признать ошибочным утверждение: «Встреча Воронского с Лениным и Горьким, о которой рассказывается в статье, была в марте 1921 года» (см. «Примечания» в кн.: А. Воронский. Литературно-критические статьи. М., «Сов. писатель», 1963, с. 420).

⁴¹ Очерк «Лапочка» был опубликован в газете «Новая жизнь» 19 июня 1918 г. за подписью: М. Горький. В письме к В. Итину Горький разъяснил, что очерк написан его сыном М. А. Пешковым («Сибирские огни», 1933, № 1, с. 160; см. также: С. Балухатый. Литературная работа М. Горького. М.—Л., «Academija», 1936, с. 245).

⁴² По поводу этих материалов см.: П. Куприяновский. Горький. Фурманов. Серафимович. А. Толстой. (Литературно-краеведческие очерки). Ивановское кн. изд., 1960, с. 14—21.

⁴³ «Рабочий край», 1919, № 118, 31 мая.

⁴⁴ А. К. Воронский писал также и о романе А. Франса «Восстание ангелов», используя его в полемике с журналом харьковских меньшевиков «Мысль». См. Нурмин. Политические заметки. Перлы.— «Рабочий край», 1919, № 123, 6 июня.

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, с. 58.

⁴⁶ См.: Дм. Семеновский. М. Горький. Письма и встречи. 2 изд. Ивановское кн. изд., 1961.

⁴⁷ Более подробно о кружке ивановских поэтов при «Рабочем крае» см. нашу статью «Кружок настоящих пролетарских писателей» в журнале «Волга», 1966, № 1, а также в кн.: П. Куприяновский. Сквозь время. Статьи о литературе. Ярославль, Верхне-Волжское кн. изд., 1972, с. 136—142. В альманахе № 1 «Коробейники» (Ивановск, 1922) напечатана статья Вл. Загорского «Наши поэты», где даны краткие характеристики 21 ивановского поэта.

⁴⁸ Мих. Артамонов. В редакции.— В кн.: «Ловцы новостей. (Журналистика в лицах)». Сб. под ред. П. Краснова. М.—Л., «Земля и фабрика», 1930, с. 164. В рассказе описывается редакция газеты «Рабочий край» первых лет революции, дается портрет редактора. Хотя ни названия газеты, ни фамилии редактора в рассказе нет, он носит строго фактический характер и проецируется на газету «Рабочий край» и Воронского. В частности, о редакторе есть такие заметки. Редактору «нужно писать в день по две и по три статьи: газета большая, немного меньше столичных, в четыре полосы» (с. 162); «Редактор — литератор, публицист, лектор и оратор — приобретает все большее и большее влияние в кругах местной власти. Он работает в губкоме, губисполкоме, он член ВЦИКа. Он делает доклады, читает лекции, выступает на рабочих собраниях. Без него, кажется, не обходится ничего. Рано утром он уже в редакции — пишет очередные статьи. Днем звонит телефон:

— Товарища В. к телефону.— Вы назначаетесь туда-то.

— Не могу. У меня номер не готов...

— Больше некого послать.

— Не могу же я бросить газету.

Поговорит, поругается, потом бежит на собрание или на митинг по указанию губкома. Все меньше и меньше он начинает уделять внимания газете. Иногда лежит в папках интересный материал, но он не может просмотреть. А тут снова надо готовиться к выступлению, к лекции, к заседанию. И снова кричит он в трубку телефона:

— Да не могу же я, поймите! Одно из двух: или газета, или совсем отойти от нее...

Редактор отзывается в центр. На смену ему назначен другой, но и он сменяется новым. Редакторы стали меняться. (...) Когда-то бойкая газета стала терять интерес» (с. 174—175).

⁴⁹ С. Селянин. Поэзия в «Рабочем крае». — «Рабочий край», 1924, № 202, 5 сентября.

⁵⁰ С. (Д. Семеновский). Писатели «Рабочего края». — «Рабочий край», 1928, № 101, 5 мая.

⁵¹ «Рабочий край», 1928, № 101, 5 мая. О «литературных вторниках» подробно пишет также С. Селянин в цитированной статье «Поэзия в «Рабочем крае».

⁵² «Рабочий край», 1928, № 101, 5 мая.

⁵³ В связи с этим сошлемся на рассказ А. Медникова о том, как Воронский помог ему издать «Задачи Союзов молодежи» — речь В. И. Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ: А. М е д н и к о в. Слово Ленина к молодежи.— «Рабочий край», 1975, № 232, 2 октября. По-видимому, аналогично было и с изданием литературно-художественных сборников.

⁵⁴ «Крылья свободы». (Советский песенник и декламатор). Ив.-Вознесенск, 1919, с. 3.

⁵⁵ См. А. В. Л у н а ч а р с к и й. Собр. соч. в 8 томах, т. 2. М., «Художественная литература», 1964, с. 219. Кстати отметим, что А. В. Луначарский посетил Иваново-Вознесенск 17—19 апреля 1919 г. Не исключена возможность, что тогда же через Воронского, с которым близко общался, он познакомился с некоторыми ивановскими поэтами и их творчеством. По воспоминаниям старожилов, Луначарский с удивлением говорил, что с приходом революции промышленный, немузикальный Иваново-Вознесенск превратился в своего рода «поэтические Афины». По его инициативе Наркомпрос республики принял в 1921 г. постановление о передаче ивановским поэтам десяти специальных пайков («Известия АН СССР. ОЛЯ», 1959, т. XVIII, вып. 3, с. 256). О помощи Луначарского А. Барковой см.: Н. А. Т р и ф о н о в. Из опыта работы Луначарского с молодыми писателями.— В кн.: «А. В. Луначарский. Исследования и материалы». Л., «Наука», 1978, с. 148—149.

⁵⁶ «Красная улица». Стихи и песни. Ив.-Вознесенский губсовнархоз. Государственная типография, 1920, с. 4.

⁵⁷ Об этом же свидетельствуют и проводы Воронского в Москву, организованные в редакции газеты 22 января 1921 г. С. Селянин в цитированной статье «Поэзия в «Рабочем крае» так их описывает: «Мы расставались с человеком, которому много были обязаны. Это он сделал «Рабочий край» одной из лучших провинциальных газет, это он сумел съединить в редакции сотрудников, он воспитал многих начинающих поэтов. Даже «Пустослов» настроился в этот вечер на минорный тон». И далее Селянин приводит стихи М. Артамонова, посвященные Воронскому и вписанные в «Пустослов» — рукописный журнал редакции «Рабочего края»:

Редеет семья трудовая... За далью — печалью дневной Тропинка легла золотая К неведомой жизни иной. Иные настанут мгновенья, Но сердце в незнаемый час,	В минуту тревог и волненья, Быть может, напомнит о нас. И как не печалиться, зная, Что врозь разошлися пути? Страницу в историю края Не каждый сумеет внести.
---	--

⁵⁸ А. В о р о н с к и й. Литературно-критические статьи, с. 54.

⁵⁹ Письмо А. К. Воронского В. И. Ленину. (Публикация И. Смирнова).— НМ, 1964, № 12, с. 216.

⁶⁰ А. К. В о р о н с к и й. Встречи и беседы с Максимом Горьким. (Из воспоминаний).— В кн.: «В. И. Ленин и А. М. Горький». Изд. 3, доп. М., «Наука», 1969, с. 455.

⁶¹ Софья Виноградская сообщает, что В. И. Ленин назначил Воронского своим референтом по литературе белой эмиграции (С. В и н о г р а д с к а я. Если подойдет...— «Огонек», 1962, № 18, с. 7). Когда это произошло — точно не установлено, но не исключено, что боевые выступления Воронского в «Рабочем крае» против белогвардейской печати были Ленину известны.

⁶² Оригинал письма хранится в архиве А. М. Горького в ИМЛИ. В связи с этим отметим и такой факт. Еще 14 сентября 1918 г. губком (окружком) партии поручил А. К. Воронскому составить смету расходов на задуманный двухнедельный партийный журнал. Особенно горячо настаивал на организации этого издания Фурманов. 9 ноября 1918 г. Воронский представил в губком подробно разработанную смету, в которой, в частности, говорилось об отделах журнала: «Кроме освещения чисто партийного или профессионального вопросов, журнал должен иметь литературный и богато поставленный краевой отделы, где бы давались картины-живые обозрения разных начинаний и работ на местах. Долгий опыт показал, что эти отделы значительно увеличат тираж издания» (ПАИО, ф 1, оп. 1, д. 15, л. 27).

⁶³ А. В о р о н с к и й. Из прошлого.— «Прожектор», 1927, № 6, с. 19—20.

⁶⁴ М. М. К у з н е ц о в. «Красная новь».— В кн.: «Очерки истории русской советской журналистики. 1917—1932». М., «Наука», 1966; А. Д е м е н т'ев. В. И. Ленин и советская литература. М., «Художественная литература», 1977.

⁶⁵ НМ, 1964, № 12, с. 215.